

ЧЁРНЫЙ БРОД

ТИМОФЕЙ АРСКИЙ

Тимофей Арский

Чёрный брод

<https://litres.ru/74635892>

SelfPub; 2026

Аннотация

Диспетчер службы спасения Марина Орлова выныривает из затопленного карьера в чужой реке — у лагеря беженцев, зажато́го между двумя армиями. Здесь запретные узлы истинных имён показывают лодкам безопасную струю, но за каждый проход кто-то платит общей памятью.

Полководец Эрд Валк готов спасти своих солдат, бросив мирных людей другого берега приманкой. Чтобы вывести всех, Марине придётся соединить лодочников, пленников и сигнальщиков в одну встречную переправу, доверить решение людям, которых привыкла спасать сама, и отдать единственный узел, способный вернуть её домой.

«Чёрный брод» — самостоятельный приключенческий роман о цене обещаний, силе точного сигнала и людях, которые учатся слышать друг друга через границу.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Голос под водой	5
Глава 2. Люди без имён	20
Глава 3. Три вопроса	37
Глава 4. Фонарь Эльвы	52
Глава 5. Приказ Эрда Валка	64
Глава 6. Плотник с другого берега	82
Глава 7. Узел обещания	101
Глава 8. Список пустых мест	119
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Тимофей Арский

Чёрный брод

От автора

На другом конце тревожного звонка человек редко говорит последовательно. Он сообщает цвет двери вместо адреса, вспоминает не ту улицу, замолкает от страха или уверен, что его не слышат. Работа диспетчера начинается не с готового ответа, а с короткого вопроса, который помогает следующему человеку сделать нужное действие.

Эта история — о переправе, где люди говорят разными словами, подчиняются разным знамёнам и боятся называть собственные имена. Здесь нельзя спасти всех одним приказом. Нужно собрать лодки, знания и неполные сообщения так, чтобы право остановить опасный путь было не только у самого громкого.

Магия Чёрного брода вымышлена. Но верёвка, которую держат многие, и ответственность за человека на другом берегу вполне реальны.

Глава 1. Голос под водой

Верёвка дёрнулась дважды и замерла.

Марина прижала ладонь к холодному борту понтона. Два коротких рывка означали, что Артём дошёл до окна затопленной бытовки и просит слабину. Так они условились перед погружением. Один длинный — выбирай трос. Три частых — поднимай немедленно. Два коротких — всё в порядке, дай идти дальше.

Она отпустила ещё полметра сигнального конца. Мокрая верёвка скользнула по перчатке и потянулась в чёрную воду карьера.

— Глубина девять, время шесть минут, — сказала Марина в гарнитуру. — Видимость?

В наушнике хрустнуло.

— Ладонь вижу. Дальше молоко.

— До окна два метра. Не лезь внутрь, пока не проверишь раму.

— Я помню.

Марина не ответила. Когда человек говорил «я помню» слишком быстро, он обычно уже делал то, о чём его просили не спешить. Она посмотрела на часы, потом на схему карьера, прижатую к ящику снаряжения гаечным ключом. Бытовка стояла у старого спуска, когда пять лет назад под ней поплыл глинистый откос. Контейнер вместе с дорогой ушёл

на дно. Сегодня утром сторож заметил у края карьера машину, а на берегу — мужскую куртку и термос. Водолазы полиции нашли следы на иле, ведущие к затонувшей бытовке, но внутрь не пошли: дверной проём почти завалило, вода мутная, металл рваный.

Поисковый отряд ждал второй пары. Марина приехала как доброволец и должна была работать на страховке, однако второй водолаз застрял на объездной. Артём уговорил руководителя дать ему осмотреть окно снаружи. Только снаружи.

Верёвка снова шевельнулась — не рывок, а медленное натяжение. Марина выбрала слабинку.

— Артём, что у тебя?

Треск. Потом дыхание, слишком частое для человека, который просто стоит у стены.

— За рамой ткань. Синяя. Может, куртка.

— Руки внутрь не суй. Обойди угол, ищи второе окно.

— Здесь пузырь идёт.

— Какой пузырь?

— Воздух. Изнутри.

Марина посмотрела на руководителя работ. Тот уже слышал разговор через второй наушник и качнул головой: не входить. Воздушный пузырь мог остаться под потолком, мог выходить из старой трубы, мог быть чем угодно. Человек, пропавший утром, не мог сидеть девять часов под водой без снаряжения.

— Артём, возвращайся к тросу. Осмотр закончен.

Молчание.

— Подтверди.

Вместо ответа в наушнике прозвучал глухой удар. Сигнальный конец рванулся у неё в руке и пошёл вниз.

— Артём!

Три частых рывка пришли почти одновременно, будто он сжал верёвку и судорожно затряс ею.

Марина навалилась на конец всем весом.

— Выбираем! Лебёдку!

Мотор завыл, барабан сделал пол-оборота и остановился. Верёвка натянулась струной. Понтон под ногами дрогнул.

— Зацеп, — сказал руководитель. — Стоп машину. Прервём.

В наушнике Артём кашлянул или выругался. Слова смяло помехами.

— Где зацепило? — спросила Марина. — Рама? Трос? Баллон?

— Конец... под листом. Я у окна. Не могу назад.

— Воздух сколько?

— Сто десять.

Воздуха хватало. Времени — нет. Если он дёрнется, металлический лист перетрёт сигнальный конец или шланг связи. Паники в голосе пока не было, но дыхание ускорялось.

Марина передала конец руководителю и уже тянула молнию сухого костюма.

— Страховочный водолаз не прибыл, — сказал тот.

— Значит, пойду по его концу. До Артёма девять метров и окно снаружи.

— Внутрь не входить.

— Не войду.

Она проверила вентиль баллона, защёлкнула грузовой пояс, потянула каждую пряжку. Пальцы делали привычное, пока в голове выстраивались короткие вопросы. Где он? У первого окна. Что мешает выйти? Сигнальный конец под листом. Какая опасность сейчас? Лист может перерезать шланг, сам Артём пока дышит и двигается. Не утонувшая бытовка целиком. Не пропавший человек. Один острый лист, одна верёвка, один водолаз на девяти метрах.

Она села на край понтона.

— Марина, — донеслось из наушника. — Там звонят.

— Кто?

— Не знаю. Под водой звонят.

Руководитель поднял на неё глаза. Марина постучала пальцем по наушнику: помехи.

— Не ищи звук. Смотри на свою руку. Я иду к тебе.

Она столкнулась спиной вперёд и провалилась в холод.

Вода ударила в маску, шум на понтоне исчез. Осталось собственное дыхание — вдох, россыпь пузырей, вдох — и белёсый луч фонаря. Марина обхватила сигнальную верёвку и пошла по ней вниз. На трёх метрах дневной свет стал серым пятном. На пяти исчез. На семи она коснулась коленом склона и подняла облако мути.

Верёвка уходила к прямоугольной тени. Стена бытовки лежала под углом, обросшая слизью и тонкой бахромой водорослей. Оконная рама зияла чернотой. Возле неё метался луч Артёма.

Марина приблизилась сбоку, чтобы не попасть под его ласты, и положила ладонь ему на плечо. Он вздрогнул, повернул маску. Глаза за стеклом были широко раскрыты.

Она показала: воздух?

Он свёл большой и указательный пальцы в кольцо. В порядке.

Марина провела рукой вдоль его сигнального конца. Верёвка действительно ныряла под отогнутый лист обшивки. Артём мог двигаться возле окна, но отойти не дальше вытянутой руки. Край листа блестел свежей царапиной. Резать конец было нельзя: без него водолаза в этой мути не нашли бы и с расстояния в два метра.

Она достала короткий монтировочный крюк, упёрла его в раму и попыталась приподнять лист. Металл качнулся, выпустил струю ржавой мути и снова лёг. Нужен был второй упор.

Артём потянулся помочь.

Марина остановила его ладонью и показала на шланг у его плеча. Пусть следит, чтобы тот не попал под край. Потом вложила ему в руку запасной карабин, указала на свой пояс и на раму. Страхуй меня.

Он понял. Карабин щёлкнул.

Марина легла на бок, завела крюк глубже и надавила двумя руками. Лист приподнялся на ширину пальца. Артём вытянул верёвку. Освободил почти всю, но последний виток зацепился за болт.

И тогда колокол прозвучал снова.

Это не было похоже на удар металла о металл. Звук пришёл не в уши, а в рёбра — низкий, протяжный. Вода дрогнула вокруг маски. Муть возле окна на миг разошлась ровными кругами.

Артём выпустил верёвку и повернулся к тёмному проёму.

Там, за рваной рамой, загорелся жёлтый огонёк.

Не фонарь. Маленький живой свет качался далеко внутри бытовки, хотя до противоположной стены было меньше трёх метров. За ним проступили другие огни, вытянутые цепочкой, будто на чёрной воде плыли лодки.

Марина почувствовала, как Артём дёрнул страховку. Он тоже видел.

Из проёма протянулась рука.

Бледные пальцы раздвинули синюю ткань, застрявшую в раме. Человек был там. Марина увидела лоб, мокрые волосы, открытый рот. Лицо появилось на мгновение и исчезло в темноте.

Артём рванулся к окну.

Марина схватила его за подвеску. Он оттолкнул её локтем и показал внутрь: человек. Затем коснулся регулятора и протянул запасной к проёму.

Она резко провела ладонью у него перед маской: стоп. Человек без аппарата не мог оставаться живым на такой глупине. Видимость и усталость обманывали. Сначала освободить Артёма, подняться, вернуться парой с направляющим концом.

Лицо возникло снова. Теперь ближе.

Губы шевельнулись.

Марина не слышала слов, но в наушнике раздался чужой голос:

— Держи лодку.

Говорили по-русски, глухо, как через толстую дверь.

Стена бытовки содрогнулась. Лист вырвался из-под крюка, ударил Марину по предплечью. Фонарь закрутился на ремешке. Артём толкнул её вверх, а сам вцепился в раму.

Муть поглотила всё.

Марина нашла рукой его плечо, потом затылок, провела вниз к баллону. Шланг был цел. Сигнальная верёвка натянута между ними и окном. Освободить последний виток. Она пошла по верёвке пальцами, нащупала болт и рваный край. Перчатка зацепилась. Марина выдернула руку, попробовала с другой стороны.

Колокол ударил в третий раз.

Вода хлынула в окно.

Не из карьера внутрь, а из бытовки наружу — сильным течением, которого в замкнутой чаше не могло быть. Марину оторвало от стены. Карабин на её поясе удержал, дёрнув бок.

Артём болтался у рамы. За ним темнота стала огромной, без стен и потолка.

Марина увидела не бытовку, а ночное небо над рекой.

По реке неслась перевёрнутая лодка. Человек цеплялся за киль одной рукой, другой пытался удержать длинный шест. Жёлтые огни, замеченные издали, горели на берегу. Между ними двигались тени.

Рука из темноты снова потянулась к Марине. На этот раз она различила не пальцы человека, а мокрый канат с чёрным узлом. По волокнам бежал серебряный свет.

Её собственный конец дрогнул в ладони. Белая капроновая верёвка потемнела, будто мгновенно напилалась илом. У карабина возник узел, которого Марина не вязала. Серебряная нитка прошила его и ушла сквозь окно.

На поверхности лебёдка заработала. Страховка потянула их назад.

Артём вылетел из мути первым. Его конец освободился. Он показал вверх, схватил Марину за руку и потянул.

Она поплыла за ним, но серебряный узел у пояса затянулся. Ремень врезался в живот. Марина развернулась, ударила ножом по тёмной верёвке. Лезвие соскользнуло. Ещё удар. Волокна не поддались.

Артём вернулся, взялся за узел обеими руками. Его маска почти касалась её маски.

Марина показала: режь пояс.

Он покачал головой и снова потянул. Серебряный свет пе-

рекинулся на его перчатку. Артём отдёрнул руку, будто обжёгся.

Воздух в баллоне у Марины был, но течение тащило сильнее. Карабин, связывавший её с рамой, скрипнул. Ремешок фонаря лопнул, луч исчез в проёме и осветил снизу чёрную речную воду, лодку и лицо незнакомца.

Тот захлебнулся. Пальцы сорвались с кия.

Марина перестала тянуться вверх.

Она сунула Артёму монтировочный крюк, прижала его ладонь к своей страховке и показала три частых рывка. Поднимайся. Зови пару. Не лезь следом.

Артём замотал головой.

Марина взялась за аварийную пряжку грузового пояса и растянула её. Грузы рухнули в темноту. Потом отцепила его карабин от себя. Связь захрипела.

— Не смей, — сказал он.

Она толкнула его в грудь и ответила:

— Ты свободен. Наверх.

Течение рвануло серебряный узел. Оконная рама пронеслась мимо. На мгновение Марина увидела Артёма с протянутой рукой, белую стену бытовки и круг света над ним. Затем вода стала ледяной и быстрой.

Её перевернуло. Баллон ударил о камень, регулятор выскочил изо рта. Марина поймала его, продула, вдохнула вместе с каплей воды. Луча фонаря не было. Наверху колыхались жёлтые пятна, внизу проступала прямая полоса светлых

камней.

Каменная дорога лежала на дне реки.

Марина неслась над ней, едва успевая прикрывать голову. Серебряная нить тянулась от узла к громадной тёмной створке, вросшей в русло. Вода проходила сквозь неё, как сквозь открытую дверь. За створкой на миг проступил карьер: белый круг понтона, фигурки людей, Артём у поверхности. Он обернулся, словно почувствовал её взгляд.

Потом створка захлопнулась.

Серебряный узел ослаб. Марина выдернула из него конец, сбросила пустую петлю и посмотрела вверх. Перевернутая лодка неслась над ней. Человек уже не держался за киль.

Она продула жилет. Тот начал поднимать её, но медленно: грузовой пояс она сбросила, зато течение прижимало ко дну. Марина добавила воздуха, оттолкнулась ластами от каменной дороги и пошла по диагонали, не прямо к лодке, а ниже по течению. Если незнакомца понесло с той же скоростью, они встретятся там.

Воздух в жилете распирал грудь. Она стравила часть, выровнялась и увидела под собой бледное лицо. Мужчина тонул спиной вниз. Длинные волосы спутались у щёк, глаза были закрыты. На нём не было ни гидрокостюма, ни спасательного жилета — только тёмная рубаха, кожаный нагрудник и тяжёлые сапоги.

Марина перехватила его под подбородок и нажала кнопку подачи воздуха. Их бросило вверх.

Последние два метра она стравливала жилет, чтобы не вылететь пробкой. Ночная поверхность ударила по маске дождём и ветром. Марина перевернула незнакомца лицом вверх. Он не дышал.

До берега было далеко. Лодка качалась в десяти шагах, днищем к небу. Марина подтянула мужчину к корме, положила его руку на выступ и нырнула под борт. Один край застрял под водой глубже другого: к лодке был привязан мешок или якорь.

Она ощупала верёвку, нашла узел и перерезала его ножом. Тёмный тук ушёл вниз. Лодка приподнялась.

Марина обхватила борт, упёрлась ластами в воду и потянула. С первого раза лодка только встала на ребро и упала обратно. Вторая волна ударила в лицо. Где-то на берегу кричали, но слов она не понимала.

Она сняла баллон, оставив регулятор во рту, перекинула подвеску через киль как противовес. Снова взялась за борт. Ветер помог: лодка перевалилась и тяжело шлёпнулась дном на воду.

На дне плескалось по щиколотку. Марина столкнула туда баллон, затем навалилась грудью на борт и втянула незнакомца за ворот. Лодка опасно накренилась. Она дождалась, пока волна пройдёт, и перекатилась следом.

Мужчина лежал на спине. В темноте Марина не могла разглядеть, поднимается ли грудь. Она сорвала с себя маску, наклонилась к его лицу. Дыхания не было.

Два вдоха. Ладони на середину груди. Тридцать нажатий.

Лодку крутило. Каждый раз, когда борт вставал на волну, руки соскальзывали. Марина упёрлась коленями, снова дала два вдоха. Под ладонью хрустнуло — может быть, застёжка нагрудника, может, ребро.

— Давай, — сказала она. — Ты меня сюда позвал, теперь дыши.

На третьем цикле мужчина дёрнулся. Из рта хлынула вода. Марина повернула его на бок и удержала, пока он кашлял. Он попытался подняться, ударился плечом о борт и вцепился в её рукав.

— Лежи.

Он не понял. Произнёс несколько хриплых слов, совсем не русских. Марина ответила медленно, хотя знала, что это бесполезно:

— Ты был под водой. Не вставай.

Мужчина коснулся груди, ощупал нагрудник и вдруг схватил её за запястье. Не угрожая — проверяя, настоящая ли. Вспышка с берега осветила его лицо: лет под сорок, резкие скулы, разбитая бровь, короткая борода. На шее висел обрывок чёрной верёвки.

Он увидел водолазное снаряжение и отшатнулся.

С берега прилетел огненный шар. Марина пригнулась. Шар упал в воду в нескольких метрах и зашипел — глиняный горшок с горячей паклей. Следом донёсся свист.

Незнакомец мгновенно пришёл в себя. Он перевернулся

на живот, нашёл на дне лодки короткое весло и загрёб одной рукой. Второй показал Марине: ниже, прячясь.

Она выглянула поверх борта.

На западном берегу тянулись десятки костров. Между ними стояли повозки и тёмные навесы. Дальше, на возвышенности, горели ровные ряды огней — слишком правильные для деревни. На противоположном берегу отвечала другая цепь костров. Иногда между ними вспыхивали точки, взлетали и гасли над рекой.

Посередине, на низкой косе, теснился лагерь.

Марина различила крыши из мокрого полотна, привязанных лошадей, лодки на шестах и людей, сбегавших к воде. Лагерь был огромным. Река уже лизала крайние кострища.

Течение несло лодку мимо косы к чёрному повороту. Незнакомец грёб, но одного короткого весла не хватало. Марина нашла длинный шест, за который он держался до падения. На одном конце была развилка, на другом — железный наконечник.

Она протянула шест. Мужчина покачал головой и показал вниз: глубоко. Затем ткнул в её сторону, в весло, в левый берег.

Марина поняла. Взяла весло, села напротив и начала грести. Лопасть была узкой, рукоять непривычно толстой, но вода оставалась водой. Незнакомец правил короткими ударами обломка, выводя нос из поперечной струи.

С косы им махали фонарём. Свет трижды закрыли ладо-

нюю, потом направили вправо.

Мужчина резко изменил курс.

Перед лодкой вода казалась гладкой, однако незнакомец обходил её, тратя силы. Марина увидела в гладком месте медленное вращение щепок. Воронка. Фонарь на берегу снова мигнул и повёл их вдоль полосы ряби.

Теперь голоса стали ближе. Люди кричали мужчине одно и то же слово:

— Радан! Радан!

Он поднял руку, но не ответил. Потом повернулся к Марине, указал на себя и произнёс:

— Радан.

Она коснулась груди.

— Марина.

Он повторил осторожно:

— Ма-ри-на.

В ту же секунду обрывок верёвки на его шее блеснул серебром.

Радан побледнел. Бросил обломок весла, схватил верёвку и зажал узел в кулаке. Потом шагнул к Марине через лодку, едва не перевернув её, и закрыл ей рот ладонью.

На косе люди перестали кричать.

Даже сквозь ветер Марина почувствовала внезапную тишину. Несколько лиц у воды обернулись к высокому берегу. Там между кострами двигались всадники. Их было не меньше двух десятков. На копьях висели узкие тёмные полотни-

ща.

Радан убрал ладонь, приложил палец к губам и показал на неё, потом на серебряный узел. Не называй себя.

Поздно.

Узел уже затягивался.

Марина потянулась ножом к верёвке, но Радан перехватил её запястье и яростно покачал головой. Он намочил узел в воде, прижал к борту. Серебряный свет вытянулся тонкой полосой и лёг на поверхность реки, показывая путь к лагерю между двумя тёмными завихрениями.

С высокого берега протрубил рог.

Люди на косе опрокидывали котлы, гасили огонь, сталкивали лодки в воду. Всадники спускались к ним по грязной дороге. На другом берегу вспыхнуло сразу пять сигнальных костров.

Марина оглянулась туда, где под водой захлопнулась каменная створка. Ни понтона, ни белого круга света. Только чёрная река, две армии и лагерь, который паводок уже отрезал от суши.

Радан сунул ей в руки весло и показал на серебряную полосу.

Она загребла.

Глава 2. Люди без имён

Радан понял, что чужачку придётся спрятать, когда она подняла весло над головой.

На Сарве так просили принять конец или показывали, что лодка пуста. Женщина хотела привлечь людей у причала. Она ещё не различала дозорных среди тех, кто бежал к воде, и не видела, как трое в кожаных нагрудниках обходят палатки с верхней стороны.

Радан вырвал весло из её рук и уложил на дно.

— Ни звука, — сказал он.

Чужачка нахмурилась. Его слова пока были для неё шумом, но тон она поняла. Показала на берег, на людей, потом на себя. Ей нужна помощь.

Ему тоже.

Каждый вдох колол под правым ребром. В груди плескалась вода, во рту стоял вкус тины. Последнее, что Радан помнил до пробуждения в лодке, — как тёмная волна ударила снизу, а привязанный к корме мешок с книгами потянул судёнышко набок. Он резал верёвку, нож выпал, вода сомкнулась. Потом чужие ладони ломали ему грудь, а женщина говорила непонятные слова.

Теперь мешка не было. Книги Валка лежали на дне Сарвы. Это стоило бы отпраздновать, если бы один лист не остался за пазухой.

Лодка вошла в полосу серебряного света. Узел на шее Радана нагрелся. Имя, которое женщина произнесла над водой, осело в верёвке слишком легко: Марина Орлова. Он не собирался вязать его, не складывал пальцы, не давал обещания. Но старый обрывок сам затянулся, словно Чёрный брод услышал её раньше него.

Полное имя чужачки уже шло по воде.

Радан намотал обрывок на ладонь, гася свет. Если сборщик на берегу заметит серебро, женщину заберут не в дозорную палатку, а наверх, к писарям Эрда Валка. Там ей зададут вопрос, на который нельзя отвечать: кто назвал тебя в детстве?

Она снова потянулась к веслу.

Радан показал на дно лодки и приложил ладонь к её плечу. Сиди. Затем дважды закрыл пальцами глаза, указал на дозор и на неё. Не дай им увидеть тебя.

Чужачка посмотрела на всадников и наконец пригнулась.

У причала уже ждали. Эльва стояла по колено в воде, держа фонарь над головой. Дождь блестел на её коротко стриженных волосах. Она быстро открыла заслонку, закрыла, снова открыла: справа чисто. Потом повернула фонарь к тростниковой заводи.

Радан направил лодку туда.

Мара Ков выругалась с берега и столкнула им навстречу пустую плоскодонку. Между лодками натянули холст, будто люди принимали груз, который нельзя мочить. Под его при-

крытием Радан подвёл свою лодку к затопленному настилу.

— Что ты привёз? — спросила Мара.

— Человека.

— Я вижу, что не козу.

— Тогда помоги ей выйти.

Марина поднялась раньше, чем он успел подать руку. Лодка качнулась. Женщина схватилась за борт, выровнялась и шагнула на настил в чёрных блестящих башмаках, похожих на мягкие ласты. За спиной у неё был ременный жилет с пустыми карманами и трубками. Мара посмотрела на снаряжение, на мокрые волосы Марины, потом на Радана.

— Из ворота?

Он кивнул.

Мара побледнела, но вопросов больше не задала. Сняла с плеч шерстяной платок и набросила Марине на голову, закрывая лицо.

Эльва коснулась двух пальцев своего подбородка, потом груди Радана: ты ранен?

Он показал: терпимо. Указал на Марину и сложил ладони под щекой: нужно укрытие. Эльва ответила резким движением: дозор близко.

Слишком близко.

Копыта застучали по деревянным щитам, которыми укрепляли раскисший склон. Над холстом показалось остриё копья.

— Лодку держать у воды! — крикнул десятник. — Нико-

му не расходиться.

Мара шагнула навстречу так, будто дождалась гостя к ужину.

— Мы и не расходимся. Нам некуда.

Десятник Край был молод, но старательно носил лицо старого пса. Он служил Валку второй год и уже научился не замечать голодных детей. За ним спешили четверо. Пятый остался в седле у подъёма. На его поясе висела катушка тонкого чёрного шнура.

Сборщик.

Радан заслонил Марину собой. Платок скрывал её волосы и половину лица, но странную одежду не спрятал бы никакой холст.

— Кто перевернулся? — спросил Край.

— Я.

— Где лодка?

— Перед тобой.

— Что потерял?

— Весло, нож, мешок с мукой.

Мара кашлянула. Она знала, что муки у них не было уже три дня.

Край тоже знал.

— Значит, мельник подарил тебе мешок?

— Значит, вода его съела и не подавилась.

Дозорные засмеялись, но сборщик не улыбнулся. Он смотрел на ноги Марины. Из-под платка стекала вода, соби-

раясь возле чёрных ласт. Радан ногой подвинул пустую корзину, закрывая их.

— Подними лицо, — приказал Край Марине.

Она не поняла.

Край повторил громче.

Марина посмотрела на Радана. В её взгляде появился тот холод, с которым взрослый человек решает, подчиниться ли чужому приказу. Она не дрожала и не искала защиты. Это было хуже. Край любил покорных и боялся тех, кто сначала оценивал опасность.

Радан коснулся пальцами её локтя и слегка поднял ладонь. Марина открыла лицо.

— Кто такая?

Она молчала.

— Глухая? — спросил один из дозорных.

Эльва повернула голову и усмехнулась. Даже не слыша слов, она прочла их по губам.

— Не здешняя, — сказал Радан. — С верхних солеварен. В лодке ударилась, речи лишилась.

— На солеварнях женщины ходят в рыбьей коже?

— В чём нашли, в том и вытащили.

Сборщик спешил. Его звали Тервом, если имя, которым он представлялся, было настоящим. Он носил перчатки без пальцев и постоянно тёр большой палец об указательный, будто проверял невидимую нить.

— Речь можно потерять, — сказал он. — Имя остаётся.

Марина различила последнее слово. Посмотрела на Рада-на, потом на узел у его шеи.

Терв это заметил.

— У тебя светился канат.

— Гнилая верёвка блестит, когда мокрая.

— Покажи.

Радан вынул обрывок. Узел лежал в ладони чёрным, без единой искры. Он держал его сухим со времени причала, хотя кожа под ним горела.

Терв протянул руку.

Радан сжал кулак.

Край перестал улыбаться. Двое дозорных взяли за рукояти тесаков.

— Ты знаешь указ, лодочник, — сказал Терв. — Узлов на Сарве нет. Значит, честному человеку нечего прятать.

— Если их нет, тебе нечего брать.

Мара встала между ними.

— Хотите драться на затопленном настиле — сначала снимите сапоги. Мне доски чинить нечем.

Терв оттолкнул её плечом. Марина шагнула вперёд, но Эльва поймала её за рукав. Показала ладонью: стой. Потом коснулась глаз и указала на Терва. Смотри.

Сборщик раскрыл кожаную сумку. Внутри лежали короткие отрезки мокрого каната, каждый с биркой. Не оружие, не печати, не распоряжения — человеческие имена, связанные и рассортированные.

Терв выбрал один шнур и бросил на настил.

— Шена Лот, — произнёс он.

У палатки вскрикнула женщина. Пожилая, худая, с ребёнком на руках. Она согнулась, будто её потянули за живот. Канат на досках засеребрился и повернулся к ней свободным концом.

— Вот так отвечает настоящее имя, — сказал Терв Марине. — Скажи своё, и пойдёшь греться.

Марина смотрела не на него, а на женщину с ребёнком. Та закрывала рот ладонью, но серебряная нить уже указывала точно.

Край велел дозорному привести её.

— Она кормит, — сказала Мара. — Куда вы её?

— На верхний берег нужны прачки.

— У вас дождь стирает лучше людей.

— Спорить будешь в штабе.

Радан почувствовал, как узел в его кулаке шевельнулся. Имя Марины тянулось наружу. Ещё немного воды — дождевой капли, мокрого рукава — и верёвка ответит Терву.

Он сунул узел за ворот и выхватил из лодки баллон чужачки.

— Вот что светилось.

Тяжёлый металлический цилиндр глухо ударил о настил. Все обернулись.

Терв присел, коснулся вентиля. На Сарве умели ковать хорошие ножи и скобы, но такого ровного металла он не видел.

Край наклонился ближе.

— Что это?

— Не знаю, — ответил Радан честно. — Было привязано к лодке.

Марина резко заговорила на своём языке. Одной рукой указала на баллон, другой — на Радана. По тону было ясно: не трогай.

Терв поднял голову.

— Речь у неё есть.

— Не наша.

— Тем лучше. Валк любит редкие вещи.

Он протянул руку к Марине.

Эльва открыла заслонку фонаря прямо перед его лицом.

Яркий огонь ослепил сборщика. В тот же миг со стороны реки раздался треск. Одна из привязанных лодок ударилась бортом о сваю, верёвка лопнула. Лодка пошла вниз по течению.

Эльва не случайно направляла их в тростниковую заводь. Она видела, как растёт вода, и ещё с причала показывала, что нижний ряд свай не выдержит.

— Лодки! — закричала Мара. — Держите лодки!

Лагерь пришёл в движение. Люди бросились к причалу. Вторая свая накренилась. Край отскочил, спасая сапоги. Дозорный, державший женщину с ребёнком, отпустил её и схватился за канат.

Радан поднял баллон и толкнул Марину к холсту. Эльва

уже нырнула следом. Мара осталась на настиле и командовала так громко, что Край на несколько мгновений стал её помощником.

За холстом начинался узкий проход между палатками. Вода текла по нему ручьём. Эльва вела быстро, не оглядываясь. Она считала шаги до каждого поворота и видела движение впереди по качанию полотна. Марина, босая теперь — ласты она сняла и несла под мышкой, — не отставала.

Они миновали хлебную печь, давно погасшую, загон с двумя козами и яму, где дождь залил угли. В дальнем конце лагеря Эльва подняла край серого навеса.

Под ним стояли лодки на козлах. Пахло стружкой, смолой и мокрой шерстью. Лина Шей сидела внутри перевёрнутого корпуса и забивала паклю в шов. Увидев брата, она положила молоток.

— Ты утонул, — сказала Лина.

— Не до конца.

Она подошла и ударила его ладонью по щеке.

Марина вздрогнула. Радан — нет. Лина сразу обняла его, осторожно, чтобы не задеть рёбра.

— Лодку видели вверх дном, — сказала она ему в плечо.

— Я решила, что река наконец устала тебя терпеть.

— Она вернула меня с доплатой.

Лина посмотрела на Марину.

Чужачка стояла посреди мастерской в нелепом чёрном одеянии, с маской на шее и платком Мары на голове. Она

сняла платок и протянула Лине, потом указала на Радана и показала руками, как нажимала ему на грудь.

— Она тебя оживила? — спросила Лина.

— Вытащила и заставила дышать.

— Тогда доплата остаётся.

Эльва закрыла вход и жестами пересказала обыск. Лина следила за её руками, не перебивая. Когда речь дошла до Терва и узла, она посмотрела на шею брата.

— Чьё имя?

Радан не ответил.

Марина произнесла своё имя снова — только первое слово, тихо:

— Марина.

Свет не появился.

Умная. Она уже поняла, что опасно не всякое обращение.

Радан подошёл к бочке с дождевой водой, но не стал мочить узел. Вместо этого взял кусок угля и начертил на борту лодки две фигурки. Одну окружил волнистыми линиями, вторую поставил на берегу. Соединил их верёвкой и нарисовал на ней узел. Затем стёр часть лица у береговой фигурки.

Марина смотрела внимательно. Коснулась рисунка и показала вопросом на себя.

Радан кивнул. Начертил рядом открытый рот, потом перечеркнул. Указал на её грудь и показал два пальца: одного имени недостаточно. Провёл углём длинную линию, разделив её на две части, и постучал по обеим. Полное имя.

Она повторила жест, которым Терв вытащил женщину из толпы. Потом показала на узел и на свою голову.

Радан стёр у фигурки глаза, затем нарисовал рядом маленькую фигуру и перечеркнул линию между ними. Память о том, кто отдал имя. Не вся память сразу — день, лицо в определённый час, сказанное обещание. Чем тяжелее лодка и дольше путь, тем больше исчезало.

Марина поняла не всё, но достаточно. Она посмотрела на людей в мастерской и по очереди указала на каждого, вопросительно приподняв брови.

— Здесь имена не произносят полностью, — сказал Радан, хотя слова ещё не соединялись для неё. — Ни свои, ни чужие. Даже дети знают.

Лина фыркнула.

— Дети знают, потому что сборщики забрали их отцов.

Она достала из сундука сухую рубаху и широкие штаны. Подала Марине, указала за лодочный корпус. Та осмотрела одежду, кивнула и скрылась переодеваться.

Радан присел на козлы. Без движения боль в рёбрах стала сильнее.

— Мешок? — спросила Лина.

— На дне.

— Весь?

Он вынул из-за пазухи сложенный промасленный лист.

Лина закрыла глаза.

— Конечно, не весь.

— Там отметки завтрашних проводов.

— И поэтому ты решил утонуть вместе с ними?

— Я решил отвязать мешок.

— Прекрасное решение. Особенно последняя часть.

Эльва опустилась рядом и коснулась его плеча. Потом показала на верхний берег: Валк что-то готовит. Радан развернул лист. Чернила на сгибах поплыли, но знаки сохранились: шесть лодок для штаба, две для конницы, одна пустая баржа. Время — перед рассветом третьего дня. Место — верхняя пристань, которой не пользовались с прошлой весны.

Ни одной лодки для лагеря.

Радан спрятал лист, когда Марина вышла из-за корпуса. Рубаха была ей велика, штаны Лина подвязала верёвкой. Чужое снаряжение Марина сложила аккуратно, каждую пряжку застегнула, трубки убрала внутрь. Только нож оставила на поясе.

Снаружи прозвучал рог. Один длинный, два коротких.

Лина подошла к щели в навесе.

— Пересчёт.

Каждый вечер дозор считал палатки, лодки и людей. Людей — не чтобы выдать еду, а чтобы знать, сколько рук можно забрать на склон. Сегодня Терв станет считать внимательно.

В мастерской Марину не спрятать. Дозорные протыкали лодки копьями и заглядывали под настилы. Вывести её из лагеря тоже нельзя: косу окружала вода, а на обоих берегах

стояли посты.

Радан посмотрел на недостроенную лодку. Между двойным дном оставалась полость для сухого груза, но человеку там было тесно, а Марина могла не понять, что нельзя шуметь.

Она проследила за его взглядом, подошла к корпусу и постучала по доскам. Потом легла рядом, измеряя себя, показала большой палец.

— Мне всё больше нравится доплата, — сказала Лина.

Они подняли внутренние планки. Марина сняла нож и отдала Радану рукоятью вперёд, чтобы металл не стукнул. Перед тем как лечь в полость, она указала на крышку, затем дважды ударила костяшками и показала: откройте по сигналу.

Эльва ответила: один удар опасность, два — можно выходить.

Марина повторила жест точно.

Радан накрыл её досками и рассыпал сверху стружку. Едва они закончили, навес откинулся.

Край вошёл первым. За ним Терв и двое дозорных.

— Где немая?

— Сбежала от твоей любезности, — сказала Лина.

Край опрокинул сундук. Рубахи, пакля и деревянные нагели рассыпались по полу. Один дозорный полез под верстак. Второй проткнул копьём холщовый тюк.

Терв не искал глазами. Он разматывал на ладони тонкий

шнур.

— Мы знаем часть имени, — сказал он. — Этого мало, чтобы позвать. Но иногда река подсказывает остальное.

Он произнёс:

— Марина.

Под досками не было ни звука.

Узел на шее Радана обжёг кожу. Он прижал его предплечьем.

Терв повернулся к нему.

— Ты назвал её на воде?

— Она назвала себя.

— Полностью?

Радан промолчал.

Край ударил его под повреждённое ребро. Боль ослепила. Он упал на одно колено, но узел не выпустил.

Из двойного дна донёсся один тихий стук.

Опасность.

Марина предупреждала их, хотя сама лежала в ловушке.

Эльва сделала шаг к Краю. Лина удержала её. Глухой нелзя было показывать, что она услышала удар; Терв ещё не знал, что это знак.

— Полностью? — повторил сборщик.

Радан поднялся.

— Если бы ты знал настоящее имя, тебе не пришлось бы спрашивать.

Терв плеснул воду из фляги на его грудь.

Обрывок каната намок. Серебро проступило между пальцами Радана и побежало к узлу. Нить метнулась не к тайнику, как он боялся, а вниз, сквозь доски мастерской, сквозь затопленную землю — к реке.

Все увидели.

Терв отступил.

— Ворот, — прошептал он.

С верхнего берега ударил второй рог. На этот раз ему ответили с востока. Почти сразу земля под мастерской дрогнула, и вода в бочке пошла кругами.

Серебряная нить натянулась сильнее. Радан вдруг услышал далёкий мужской голос. Не словами — дыханием, хрипом, повторявшим одно и то же чужое имя из-за толщи воды.

Терв слышал тоже. Жадность на его лице сменилась страхом.

Он срезал мокрый узел с шеи Радана, но серебряная полоса не исчезла. Отрезок каната остался у сборщика в руке, а свет продолжал идти из пустого воздуха к реке.

— Закрывать мастерскую, — приказал Терв. — Никого не выпускать. Я доложу Валку.

Край поставил у входа двух людей. Сам ушёл следом за сборщиком.

Только когда стук копыт растворился в шуме дождя, Эльва дважды ударила по корпусу.

Марина выбралась, вдохнула и сразу посмотрела на сияняк, проступавший у Радана под рубахой. Он вернул ей нож.

Она не взяла. Показала на вход, на себя и вопросительно развела руками: что теперь?

Радан поднял внутреннюю доску лодки. Указал на узкий сточный проход под задней стеной мастерской, где вода уходила к тростникам. Потом на Марину, Эльву и себя.

Лиана покачала головой.

— Дозор ждёт именно этого.

Мара появилась за спинами караульных так, будто выросла из дождя.

— Дозор ждёт беглецов, — сказала она громко. — А я принесла мастерам работу.

За ней стояли двенадцать женщин и стариков. Каждый нёс сломанное весло, доску или дырявое ведро. Они разом заговорили, окружили караульных, стали требовать ремонта и места под навесом. Один старик нарочно опрокинул корзину глиняных кружек.

Мара скользнула внутрь.

— Через минуту сменят пост. Есть проход к сушильным ямам.

Радан указал на Марину.

— Её имя у Терва.

— У Терва кусок верёвки, — ответила Мара. — Имя пока у неё. Не путай.

Марина следила за их лицами. Тогда Мара взяла уголь и на борту рядом с рисунками Радана начертила множество маленьких фигур без подписей. Обвела их общей линией,

нарисовала над ней копьё. Потом изобразила Марину внутри круга.

— Здесь триста семьдесят два человека, — сказала она. — И ни одного полного имени для Валка. Будет триста семьдесят три.

Марина коснулась нарисованного круга. Посмотрела на людей под навесом, которые спорили с караульными ради незнакомки, и медленно кивнула.

Снаружи Эльва подняла фонарь. Один раз закрыла за-слонку.

Стоп.

По проходу шёл новый отряд. Впереди несли древко с чёрным полотнищем штаба.

Радан узнал человека под ним по тяжёлому шагу ещё до того, как увидел лицо. Сотник Орн, правая рука Валка, не ходил считать палатки. Он приходил за тем, что полководец уже считал своим.

Марина встала рядом с Раданом, не за его спиной. Взяла уголь и написала на доске несколько чужих знаков. Потом ткнула в себя, перечеркнула написанное и отдала уголь Марре.

Полного имени больше не будет.

Под чёрным полотнищем Орн остановился у входа.

Глава 3. Три вопроса

Марина не знала, что собирается сказать человек под чёрным полотнищем, зато сразу увидела, что упадёт раньше его первого слова.

За спиной сотника вода подбиралась к настилу лодочной мастерской. Крайняя свая уже не держала доски, а только мешала им плыть: настил выгнулся, верёвка на нём натянута белой струной. К ней были привязаны две лодки. В первой сидели дети, которых согнали с дождя под общий навес, во второй лежали мешки и связки хвороста. Течение тянуло обе лодки в разные стороны.

Марина показала на верёвку и крикнула единственное местное слово, которое успела понять без перевода:

— Стоп!

Никто не остановился.

Сотник Орн шагнул под навес, караульные расступились, Мара заговорила громче. Радан повернулся к гостю, заслонив Марину плечом. Лишь Эльва проследила за её рукой. Она обернулась, увидела выгнутую сваю и вскинула фонарь.

Верёвка лопнула.

Лодка с хворостом ударила детскую в скулу. Послышался сухой треск. Оба корпуса разошлись, потом встретились снова. Мальчик в серой рубаше перелетел через борт и исчез между ними.

Марина побежала.

Она не слышала, кто приказал ей остановиться. Перемахнула через корзины, плечом задела караульного, прыгнула на покосившийся настил. Под досками хлынула вода. Детская лодка крутилась у сваи; женщина в ней пыталась одновременно удержать троих и поймать четвёртого. Мальчика на поверхности не было.

Где?

Марина показала женщине на воду, потом развела руки: где он ушёл? Женщина только кричала и тянулась за бортом наугад.

Эльва оказалась рядом. Марина повторила жест, ткнула в то место, где видела ребёнка в последний раз. Эльва поняла. Схватила женщину за лицо, заставила посмотреть на себя и резко указала вниз по течению.

Женщина замотала головой. Показала ближе к корме, между лодками.

Марина легла животом на мокрые доски и сунула руку в чёрную воду. Пальцы задели верёвку, скользнули по борту, нашли ткань. Мальчика прижало под выступом кормы. Она поймала его за пояс, но лодку снова качнуло, и запястье зажалось между деревом и свайей.

Боль ударила до локтя. Марина не отпустила ткань. Свободной рукой показала: лодку от меня.

Радан прыгнул в воду по колено, навалился на борт. Ему помог неизвестный старик. Щель стала шире. Марина вы-

дернула руку вместе с ребёнком.

Мальчик был в сознании и сразу закашлялся. Марина перевернула его лицом вниз на своё бедро, дала воде выйти, потом передала матери. Та прижала его так крепко, что он сердито пискнул. Хороший звук. Живой.

Но лодки продолжало уносить.

С верхней части лагеря бежали люди. Одни хватались за любой канат, другие снимали детей, третьи вытаскивали из палаток узлы с одеждой. Никто не видел всей беды. У причала кричали, что ушла лодка. За печью кто-то звал лекаря. Со стороны тростников донёсся новый треск.

Марина поднялась и заставила себя не искать знакомых слов. Слова придут позже. Сейчас ей нужны были ответы.

Она поймала за рукав мужчину, который бежал к воде с багром. Указала вокруг и подняла ладони вопросом.

— Где?

Он решил, что она просит багор, и сунул его ей.

Марина вернула багор, ткнула пальцем в него, потом в лагерь и снова спросила:

— Где?

Мужчина раздражённо махнул к тростникам. Там, за серыми крышами лодок, мелькнуло перевёрнутое днище.

Первый ответ.

Она показала все пальцы, потом один, потом снова все.

— Сколько?

Это слово она сказала по-русски. Мужчина не понял, но

увидел пальцы. Поднял две руки, загнул три пальца и указал на перевёрнутую лодку. Семь.

Марина показала на воду, сжала горло, изобразила удар, затем вопросительно развела руки.

Что опасно сейчас?

Мужчина оглянулся. Показал не на лодку, а выше по течению. Из темноты несло целое дерево. Ветки цепляли мелкие лодки и разворачивали ствол поперёк протоки.

Вот почему люди с баграми не могли добраться до перевёрнутого корпуса.

Марина подвела мужчину к Эльве и повторила весь разговор жестами. Та следила быстро, без вежливых кивков. На третьем вопросе сама показала на дерево, потом на два фонаря у дальних палаток. Люди там ещё не знали, что ствол идёт к ним.

Эльва вскинула свой фонарь, дважды закрыла заслонку и провела огнём справа налево. Дальний фонарь ответил беспорядочным миганием. Не поняли.

Радан выбрался из воды. Лицо у него стало серым, одной рукой он придерживал бок.

Марина коснулась себя, указала на перевёрнутую лодку. Потом на него — и на дерево. Он покачал головой, поменял назначения: ткнул себе в грудь и показал на лодку, Марине сунул багор.

Она хотела спорить. Радан знал воду, а она нет. Но по его взгляду поняла другое: до лодки в протоке он пройдёт там,

где чужачка утонет. Ствол же нужно было не победить, а предупредить о нём людей.

Марина кивнула.

Они разошлись.

У ближайшего костра она выдернула из земли шест с натянутым холстом. Караульный схватил её за плечо. Марина развернулась и увидела Орна. Сотник успел дойти до причала, не запачкав сапог. Он был широк, седина у висков казалась вытертой солью. Караульный ждал его приказа.

Орн сказал что-то короткое и указал на Марину.

Радан ответил с воды. Мара — с настила. Они заговорили одновременно, и сотник поморщился.

Марина сунула ему багор, показала на плывущее дерево, потом на лодки ниже. Орн посмотрел туда. Ствол уже зацепил первую привязь. Человек у палатки рубил канат ножом, не замечая, что освободившаяся лодка пойдёт прямо на соседнюю.

Сотник понял опасность. Но вместо того чтобы помочь, приказал караульным оттащить штабную лодку к высокому берегу.

Марина вырвала холст окончательно. Подняла его над головой и побежала вдоль берега, размахивая из стороны в сторону. Эльва подхватила замысел. Она не стала повторять движение фонарём. Подбежала к Марине, перехватила второй угол полотна, и вдвоём они растянули белую полосу поперёк прохода.

Люди у дальних палаток увидели. Один показал на них, другой — на воду. Потом оба бросились к привязанным лодкам. Они успели ослабить канаты. Ствол прошёл между корпусами, содрал с одного кусок борта, но не раздавил его о берег.

Теперь дерево шло к причалу.

Марина воткнула шест в развилку ветвей. Удержать ствол было невозможно. Она и не пыталась. Ей нужно было повернуть его носом по течению. К ней встал старик, тот самый, что помог вытащить ребёнка. Затем женщина с обрубленным веслом. Потом караульный — не по приказу Орна, а потому что штабная лодка тоже оказалась на пути.

— Раз, два! — крикнула Марина.

Слова были чужими, счёт понятным. Она показала движение телом. На третий толчок ветви отлипли от берега. Ствол медленно развернулся. Течение подхватило корни и протаскило их мимо свай.

В тростниках поднялся фонарь Радана.

Один долгий свет, два коротких. Эльва ответила. Марина не знала значения, но увидела, как Мара обернулась к лагерю и выкрикнула число. Семь человек, вспомнила Марина. У перевёрнутой лодки было семеро.

Из тростников показались двое взрослых. Они держались за борта лодки Радана. Внутри лежали трое детей, ещё одного он тащил за ворот. Получалось шесть вместе с ним самим — или шесть спасённых? Мужчина с багром что-то закричал

и показал один палец.

Не сошлось.

Марина побежала навстречу. Радан вывел лодку на мелководье и опустился на колено. Он тяжело дышал. Спасённые заговорили разом. Один показывал вверх по протоке, другой на перевёрнутое днище, третий твердил одно имя.

Марина подняла руки.

— Где?

На этот раз мужчина с багром повторил её вопрос на местном языке. Получилось коротко: «Кай?» Люди указали в разные стороны.

Она выбрала девочку лет десяти. Та не кричала, только дрожала и смотрела на воду. Марина присела перед ней.

— Кай?

Девочка показала на хворостяной островок в камышах, куда течение прибило куски настила.

— Сколько?

Марина подняла пальцы. Девочка ответила одним.

Марина показала: вода, рана, холод — что опасно сейчас?

Девочка обхватила руками себя и покачала ладонью у земли. Маленький. Не умеет держаться? Или ранен?

Эльва опустилась с другой стороны. Повторила жест медленнее. Девочка легла на живот и показала, как кто-то забрался под связку веток. Застрял.

Радан поднялся, но Марина упёрлась ладонью ему в грудь. Он уже почти не разгибался. Она указала на старика с баг-

ром, потом на хворостяной островок. Старик покачал головой и ткнул багром в водоворот между ними. Прямо не пройти.

Марина огляделась. Местные знали опасность, но каждый сообщал её тому, кто оказался рядом. Сведения тонули быстрее лодок. Ей не нужен был начальник над всеми. Ей нужно было одно место, куда приносили бы ответы.

Она взяла у Мары уголь и на белом холсте нарисовала берег, три волны и круг. Потом указала на круг и спросила у старика:

— Кай?

Он забрал уголь и поставил крест не перед островком, а выше, у узкого прохода в камышах. Обход.

Марина показала на лодки: сколько может пройти? Старик поднял один палец. Она указала на людей: кто знает путь? Он ткнул в себя.

Ответы сложились.

В маленькую лодку сели старик и Эльва. Марина хотела идти третьей, но старик ударил ладонью по борту: перегруз. Тогда она осталась у холста. Это было правильно и мучительно. Человек, задающий вопросы, не обязательно тот, кто вытаскивает ребёнка своими руками.

Эльва положила фонарь на нос, закрыла заслонку и коснулась груди девочки. Та показала ей жест: маленький брат. Эльва повторила, чтобы подтвердить.

Лодка ушла в камыши.

Орн подошёл к холсту. Его люди уже спасли штабное имущество и теперь снова вспомнили о власти. Сотник посмотрел на грубую карту, на Марину и спросил Радана:

— Кто она?

Марина узнала вопрос по тону. Радан назвал только её первое имя.

Орн произнёс несколько фраз. Мара перевела их для лагеря громким, злым голосом. Люди зашумели. Смысл Марины поняла по жестам: чужачку отдавали штабу.

Радан встал между ней и сотником. Мара — рядом. Потом женщина, чей мальчик побывал под водой, перенесла сына на одно бедро и тоже встала перед Мариной.

Орн не повысил голоса. Указал на свои лодки, на чёрное полотнище и на высокий берег. Он мог забрать человека, потому что мог забрать всё остальное.

Марина обошла заслон. Не хотела, чтобы из-за неё карательные начали драку среди детей. Взяла угол холста и подвела Орна к рисунку. Показала на перевёрнутую лодку.

— Кай?

Сотник нахмурился.

Она указала на спасённых.

— Сколько?

Подняла семь пальцев, затем шесть. Показала на камыши, где исчезли Эльва со стариком.

Потом указала на течение. Что опасно сейчас?

Орн смотрел на неё так, будто она нарочно говорила за-

гадками. Марина повторила. Ткнула в его грудь и дала уголь.

Сотник не взял.

Зато один из его караульных шагнул к карте. Молодой, со свежей царапиной на щеке, он показал на верхнюю протоку и поднял два пальца. Там две лодки. Потом сцепил руки, изображая канат, и резко развёл их: привязь порвана. Указал вниз — опасность идёт сюда.

Марина поставила на карте две чёрточки.

Мара поняла первой. Она подозвала людей, которые приходили чинить вёдра, и поставила их у холста. Каждый должен был сказать три вещи: где беда, сколько там людей или лодок, что убивает их прямо сейчас. Не всё, что видел за день. Не кого винил. Не почему дозор не помог. Только три ответа.

Поначалу вышел гвалт. Один мужчина начал рассказывать с того, как ночью украли его весло. Женщина перебила его спором о месте у печи. Кто-то требовал сначала посчитать мешки. Мара стукнула углём по доске и повторила три вопроса.

Где?

Сколько?

Какая опасность сейчас?

Люди засмеялись — зло, устало. Три вопроса казались слишком простыми для реки, которая забирала дома, и армии, которая забирала имена. Но женщина со спасённым мальчиком ответила первой. Нижний причал. Четверо детей

и двое взрослых. Лопнула привязь, следующая свая качается.

Старик у печи ответил вторым. Сушильные ямы. Пять лежачих больных. Вода входит под навес.

Молодой караульный — третьим. Верхняя протока. Две пустые лодки. Оборванный канат понесёт их на нижний причал.

Мара распределила людей. Не приказала незнакомцам делать незнакомое: тех, кто умел вязать, отправила к сваям; тех, у кого были носилки, — к больным; двух лодочников — перехватывать пустые корпуса. Радан добавлял короткие поправки, когда речь шла о воде. Марина отмечала на холсте чёточки и зачёркивала их только после возвращения человека с ответом.

Орн мог разогнать их одним приказом. Вместо этого он смотрел, как его караульный отвечает Маре и бежит не к штабной лодке, а к нижней свае.

Из камышей появился свет.

Фонарь Эльвы шёл низко, почти у самой воды. Один раз погас, вспыхнул, снова погас. Люди замерли. Марина не знала, что означает сигнал. Радан шагнул к берегу и впервые улыбнулся.

Лодка вышла из узкого прохода. На носу сидел мальчик лет шести, весь в мелких веточках. Эльва держала его одной рукой, другой поднимала фонарь. Старик грёб стоя. Когда днище коснулось берега, девочка бросилась в воду и обняла

брата.

Семь.

Марина зачеркнула последнюю чёрточку у перевёрнутой лодки.

Смех прекратился сам.

Дождь ещё шёл. Вода не опустилась. На холсте прибавлялись метки, и не каждая исчезала быстро. Но теперь беда имела место, число и ближайшие зубы. Её можно было передать, не называя полного имени и не рассказывая всю жизнь.

Орн взял уголь.

На миг Марина решила, что он ответит на вопросы. Сотник провёл жирную линию от верхней пристани к высокому берегу и поставил рядом знак чёрного полотнища. Затем указал на шесть лучших лодок у причала.

Радан тихо выругался.

Орн отдал приказ. Караульные начали помечать борта штабной краской. Те самые лодки, которые только что вытаскивали детей, через три дня должны были уйти к верхней пристани.

Марина посмотрела на нарисованные шесть чёрточек, потом на сотника.

— Сколько людей? — спросила она.

Он понял число и ответил, показав два кулака, затем ещё четыре пальца. Двадцать четыре солдата, вероятно.

Марина указала на лагерь. Здесь было триста семьдесят три человека.

— Опасность сейчас?

Орн усмехнулся. Коснулся рукояти меча.

Вот его ответ.

Он велел Радану явиться на высокий берег до заката и забрал баллон Марины как найденное военное имущество. Четверо потащили тяжёлый цилиндр по грязи. Марина рванулась за ними, но Радан удержал её. Потеря снаряжения обожгла сильнее, чем разбитое запястье. В баллоне оставался воздух; металл и вентиль могли погубить любопытного. Она показала на него, на опасность, на Орна.

Сотник даже не обернулся.

Перед уходом он ткнул углём в холст и произнёс слово, которое Марина уже слышала от Терва.

Валк.

Затем показал на неё, на карту и на высокий берег. Полководцу понадобилась чужачка, которая умела считать лодки.

Когда чёрное полотнище скрылось между палатками, люди заговорили сразу. Теперь они не смеялись над тремя вопросами. Они спорили, кому принадлежит холст и кто должен стоять возле него ночью.

Мара оборвала спор. Положила уголь на раскрытую ладонь и протянула женщине со спасённым ребёнком. Та взяла его, хотя рука дрожала.

Марина показала ей три вопроса ещё раз. Женщина повторила местные слова. Первое Марина уже знала. Второе звучало как «кель». Третья фраза была длиннее; Мара со-

кратила её до двух слов и ткнула пальцем в текущую воду.

Что сейчас?

Марина произнесла их вслед. Люди поправили ударение. Она повторила снова.

Радан сел на перевёрнутую лодку. Лина ощупала его бок и недовольно покачала головой. Марина подошла, показала на него и задала первый вопрос:

— Где?

Он не понял.

Она коснулась его рёбер.

— Где боль?

Радан указал справа.

— Сколько?

Он поднял три пальца, потом подумал и добавил четвёртый.

Марина показала: что опасно сейчас?

Радан кивнул в сторону высокого берега, куда унесли её баллон и узел с полным именем.

Это было не то, о чём она спрашивала, но он был прав.

Над лагерем подняли белый холст с угольной картой. Эльва поставила рядом фонарь. Пока люди укрепляли сваи и переносили больных, Марина учила первые местные слова, а Мара назначала тех, кто будет принимать ответы. Ни одна лодка ещё не принадлежала им. Ни один дозорный не обещал слушаться. Через три дня лучшие корпуса собирались забрать.

Но у лагеря появилось место, куда можно было принести беду прежде, чем она стала криком.

И у этого места не было имени, которое Терв мог завязать в узел.

Глава 4. Фонарь Эльвы

Радан понял, что Орн оставил у мастерской соглядатая, когда Эльва погасила фонарь среди белого дня.

Она никогда не берегла масло там, где свет был нужен для разговора. Сейчас поставила фонарь на перевёрнутую лодку, закрыла заслонку и продолжила показывать Маре пустыми руками. Это означало: человек наблюдает именно за огнём.

Радан не обернулся. Взял рубанок и провёл по доске, будто они с Линой вернулись к обычной работе. Стружка вышла рваной. После вчерашнего удара Края ребро отзывалось на каждое движение, а приказ Орна лежал под сердцем тяжелее синяка.

До заката он должен был явиться на высокий берег. Если пойдёт, Валк спросит о чужачке и воротах. Если не пойдёт, сотник пришлёт людей за Линой.

Марина сидела у белого холста и учила слова. Мара касалась нарисованной лодки, произносила название, Марина повторяла. Получалось твёрдо, с чужим выговором. Дети хихикали, пока Мара не заставила каждого назвать место, число и опасность. Тогда выяснилось, что у половины смельчаков число семь превращается в восемь, если рядом стоит старший брат.

Эльва подошла к Радану и положила два пальца на доску. Потом незаметно указала подбородком за его левое плечо.

В щели между палатками сидел молодой караульный с царапиной на щеке. Тот самый, который вчера сообщил о сорванных лодках. Он держал копьё поперёк колен и делал вид, что следит за причалом. Глаза возвращались к фонарю.

«Он помог», — показал Радан.

«Он служит Орну», — ответила Эльва.

Оба утверждения могли быть правдой.

Марина заметила их разговор и подошла. Эльва сразу заставила её повторить три жеста: место, число, опасность. Марина воспроизвела точно. Тогда сигнальщица показала четвёртый — ладонь ребром вниз, короткое движение к земле.

Марина решила, что это «тише».

Эльва покачала головой. Повторила медленнее и указала на ближайшую лодку.

Радан перевёл:

— Мель.

Марина произнесла слово и показала на дно. Эльва кивнула. Затем подняла два пальца вилкой и повела их в разные стороны.

— Протока делится.

Кулак у груди.

— Держать ход.

Ладонь над головой.

— Человек в воде.

Марина перестала повторять и внимательно посмотрела на Эльву. Потом на погашенный фонарь. Она поняла: жесты

появились не вчера.

Эльва усмехнулась и повела их за мастерскую.

Там, под старой сетью, лежал длинный деревянный ящик. Лина считала его скамьёй и ругалась, когда дети прятали в нём ореховую скорлупу. Эльва сняла сеть, вытащила из волос костяную шпильку и открыла замок.

Внутри лежали заслонки для фонаря. Не одна железная пластина, а десятки: круглые, щелевые, с отверстиями, с вырезанными полосами. Между ними были проложены куски ткани. Несколько рамок пустовали.

Эльва взяла круглую заслонку и показала на реку. Один ровный свет — путь чист. Щелевую повернула боком — держаться правее. Два отверстия — две лодки идут навстречу. Три узкие прорези — человек в воде.

Радан знал часть речных знаков. Все лодочники знали. Но он никогда не видел полного набора. До войны сигнальщики стояли на обоих берегах Сарвы, и цветные стёкла позволяли различать приказ даже в дождь: зелёное для свободного хода, красное для остановки, синее для опасной воды. Потом Валк объявил стёкла военным имуществом.

Эльва подняла пустую рамку.

Мара сплюнула в грязь.

— Весной забрали последние. Сказали, враг прочитает сигналы.

— Враг всё равно их знает, — сказал Радан. — На восточном берегу те же речники.

— Значит, боялись не врага.

Боялись, что люди смогут предупредить друг друга без штаба.

Марина перебирала заслонки осторожно, как вещи погибшего человека. Поднесла одну к глазам, посмотрела на свет, затем указала на пустые места. Эльва достала из ящика три осколка: зелёный, красный и мутно-синий. Каждый был не больше ногтя.

Она приложила красный осколок к фонарю. На ладони появилась слабая кровавая точка, невидимая уже в трёх шагах.

Марина покачала головой. Взяла белый холст, сложила вдвое и натянула на рамку. Свет стал мягче, но цвет пропал совсем. Тогда она показала на людей вокруг, на разные стороны лагеря и вопросительно подняла руки.

Эльва поняла её без Радана. Цветов нет. Что есть?

У лагеря нашлись вещи, которые ещё не успела описать военная кладовая. Чёрная крышка от котла. Белый мешок из-под соли. Плетёная заслонка, пропускавшая свет полосами. Кусок красной юбки Мары, который староста отдала после недолгого спора с самой собой. Две лучины, скреплённые крестом. Круглая деревянная тарелка.

Эльва отвергала больше, чем брала. Тонкая ткань загоралась. Мокрая становилась тёмной. Крышка от котла была слишком тяжёлой. Тарелка закрывала свет, но её нельзя было быстро повернуть одной рукой.

Молодой караульный всё ещё сидел у палатки. Когда Лина

принесла ножницы для кожи, он поднялся.

— Штабное имущество нельзя портить, — сказал он.

Мара посмотрела на старую юбку.

— Передай Орну, что юбка готова отбыть на верхний берег вместе с лодками.

Караульный покраснел.

— Я про фонарь.

Эльва встала перед ним и открыла ладонь. Дай.

Он не понял или сделал вид.

Она указала на его пояс. Там висела маленькая сигнальная трубка с заслонкой — армейский фонарь, который днём носили пустым.

— Не положено.

Эльва повторила жест.

— Она тебя не слышит, — заметила Мара. — Но прекрасно видит, как ты врёшь.

Караульный снял фонарь. Прежде чем отдать, оглянулся на высокий берег. Эльва разобрала его на части прямо у него на ладонях. Внутри заслонка ходила по двум пазам и могла одним движением закрыть огонь сверху или снизу. Она показала устройство Лине.

Лина взяла две тонкие дощечки, просверлила их и посадила на общий штифт. Получились крылья, которые расходились в стороны. Фонарь теперь можно было не только гасить, но и менять его вид: узкая вертикальная щель, горизонтальная полоса, полный круг.

Марина подняла белый лоскут вертикально, затем положила горизонтально. Повторила формы света.

Эльва хлопнула её по плечу. Вот это подходило.

Они вынесли фонарь к причалу. На другом конце лагеря Мара поставила двух женщин с мешком и крышкой. Радан остался возле Эльвы, чтобы передавать результаты. Марина побежала к Маре. Соглядатай пошёл за ней, уже не скрываясь.

Полный круг света означал: смотри сюда. Вертикальная щель — держи место. Горизонтальная — движение поперёк. Погасить один раз — остановка. Два раза — ответ принят. Круг над головой — человек в воде.

Первая проверка провалилась.

Издалека вертикальная щель стала похожа на полный круг. Белый лоскут слился с туманом. Мара приняла остановку за подтверждение и отправила женщину через затопленный проход как раз тогда, когда Эльва показывала не идти.

Женщина промочила ноги, выругалась и заявила, что прекрасная система годится для уток.

Эльва не обиделась. Она никогда не спорила с ошибкой. Подняла фонарь выше, повернула боком и велела повторить.

Вторая проверка тоже провалилась: солнечный серый свет съедал огонь.

Тогда Эльва отложила фонарь и взяла два шеста. На одном закрепила чёрный лоскут, на другом белый. Положение рук

повторяло заслонки: оба шеста вверх — внимание, в стороны — остановка, один к воде — держаться указанного берега. Ночью те же формы показывал свет, днём — ткань.

Марина добавила не новый знак, а правило проверки. Увидев сообщение, дальний пост должен был повторить его. Пока повтор не пришёл, отправитель не считал, что его поняли.

Эльва испытала это на соглядатае. Показала ему остановку и ждала.

Он пожал плечами.

Она показала снова.

— Я вижу.

Эльва не опустила шест.

Караульный раздражённо развёл руки в стороны, повторяя знак. Только тогда она кивнула.

Марина засмеялась. Радан тоже, хотя от смеха заболел бок.

К полудню у лагеря было три поста. Один у нижнего причала, второй у сушильных ям, третий возле мастерской. Не башни и не караульни — люди с шестами, полотном и фонарями. На каждом стояли двое, потому что один мог смотреть на воду, пока другой принимал сообщение.

Мара хотела назначить надёжных людей. Эльва потребовала менять их каждый час. Она показывала на глаза, потом закрывала их: уставший сигнальщик видит то, чего ждёт. Радан перевёл. Мара сразу согласилась.

Спор начался из-за детей. Они выучили знаки быстрее взрослых и просились на посты. Мара запрещала. Эльва разрешала им быть вторыми, но не оставаться без взрослого. Марина показала, что ребёнок может повторять сообщение, но решение об отправке лодки принимает речник.

Так возникло первое правило, записанное углём рядом с картой: любой может сообщить об опасности; никто не обязан ждать старшего, чтобы показать «стоп».

Радан смотрел на эту строку и думал об Орне. В штабе знак имел силу только тогда, когда его подавал человек с нужной нашивкой. Здесь Эльва отдала остановку всем.

По реке сверху пришли три военные лодки.

Их заметил мальчик на нижнем посту. Он поднял чёрный лоскут. Женщина рядом повторила: три корпуса, идут быстро, опасность — волна у причала. Средний пост принял и передал знак. У мастерской узнали о лодках раньше, чем слышали удары вёсел.

Эльва велела убрать малые лодки в заводь. Радан хотел спуститься к воде, но Лина загородила проход рубанком.

— Ты уже один раз утонул. На сегодня довольно.

Он остался и направлял тех, кто не знал причала. Когда военные лодки вошли в протоку, у свай не было ни детей, ни свободных корпусов. Волна подняла настил, но ломать оказалось нечего.

В первой лодке стоял Терв.

На шее у сборщика висел срезанный узел Марины, завёр-

нутый в промасленную ткань. Рядом лежал её металлический баллон. Терв увидел сигнальные посты, белый холст и людей с шестами.

— Кто разрешил? — спросил он.

Эльва показала знак человека в воде.

Терв не понял.

Мальчик у причала лёг на доски, как учила Марина, и указал под корму штабной лодки. Там в воде бился гребец. При входе он потерял весло, потянулся за ним и свалился между бортом и сваей. Люди в лодке смотрели на Терва и ждали приказа.

Эльва снова показала круг над головой.

Женщина с нижнего поста не стала ждать. Легла на настил, схватила гребца за ворот. Молодой караульный помог ей отвести лодку. Вместе они вытащили человека.

Терв побледнел от злости, будто спасение без его приказа было кражей.

— Снять тряпки. Фонари сдать.

Мара спросила:

— По чьему приказу?

— По указу о береговых знаках.

— В указе сказано о цветных стёклах и военных огнях.

Видишь здесь стёкла?

Терв указал на фонарь Эльвы.

Сигнальщица подняла пустую рамку к солнцу. Потом вывернула карманы. Стёкол не было.

Сборщик шагнул к ней. Радан перехватил его руку.

— Она не обязана слышать твою глупость, чтобы ответить на неё.

Терв посмотрел на пальцы Радана, затем на его шею, где раньше был узел.

— Валк ждёт тебя.

— Я помню.

— А она? — Терв кивнул на Марину. — Помнит своё второе имя?

Радан сжал его запястье сильнее. Узел под промасленной тканью дрогнул и засветился. Серебряная нить потянулась от груди Терва не к Марине, а вниз, через днище лодки, к подводному вороту.

Все трое увидели свет.

Терв вырвал руку.

— До заката, — сказал он и велел гребцам отчаливать.

Эльва подняла шесть пальцев, указала на военные лодки, затем на верхнюю пристань. Вопрос.

Терв сделал вид, что не понял. Но его взгляд метнулся к Радану.

Эльва догадалась о тайной проводке.

Когда военные лодки ушли, лагерь заговорил о сборщике. Эльва собрала сигнальщиков у холста и заставила их повторить все знаки. Никто не должен был менять систему из страха, пока опасность не названа точно.

Радан отвёл Марину в мастерскую. На обрезке доски на-

рисовал высокий берег, себя и заходящее солнце. Затем — Валка с мечом.

Марина поняла, что он должен идти. Показала на себя: вместе.

Радан покачал головой.

Она повторила. Указала на баллон в лодке Терва и на узел. Оба принадлежали ей, обе вещи могли открыть дорогу к вороту.

Эльва вошла, увидела рисунок и перечеркнула одинокую фигуру Радана. Потом поставила рядом второй знак — не Марину, а себя.

— Валк не станет говорить с тобой, — сказал Радан.

Эльва показала: говорить будешь ты. Смотреть буду я.

Марина добавила третий знак и указала на белый холст. Она останется у лагеря, пока они на высоком берегу. Не потому, что согласилась слушаться, а потому, что постам нужен человек, который уже знает три вопроса.

Радан посмотрел на обеих женщин и понял, что решение принято без него. Это почему-то не злило.

Перед уходом Эльва зажгла фонарь и поставила его в новую раму. Полный круг. Дальний пост ответил кругом. Она закрыла нижнюю половину — держать место. Ответ пришёл через средний пост, чуть медленнее, но точно.

Затем Эльва показала «стоп».

Все три поста повторили.

На высоком берегу этот знак мог стоять им свободы. На

реке он уже спасал жизни.

Радан взял плащ и промасленный лист с тайным расписанием Валка. Спрятал его не за пазухой, где Терв станет искать, а под стелькой сапога. Эльва выбрала белый и чёрный лоскуты, свернула их вокруг двух коротких палок.

Они поднялись по раскисшей тропе к штабу. Внизу три фонаря по очереди передавали сообщение о растущей воде. Огонь двигался через лагерь быстрее крика и не спрашивал, как зовут того, кто первым заметил опасность.

У ворот верхнего укрепления Радан обернулся.

Марина стояла возле карты. Рядом с ней мальчик поднимал чёрный лоскут, а женщина у причала отвечала белым. Ни одного цветного стекла. Ни одного разрешения штаба.

Эльва коснулась его плеча и показала вперёд.

Под чёрным полотнищем их ждал Эрд Валк.

Глава 5. Приказ Эрда Валка

Через час после ухода Радана и Эльвы Марина поняла, что считать лодки труднее, чем людей.

Люди хотя бы знали, где у них болит. Лодки лгали молча. У одной свежая смола закрывала гнилой паз, у другой правый борт был выше левого на ширину ладони, третья выглядела крепкой, но хозяин запрещал ставить в неё больше трёх мешков. Старый речник Край стучал костяшками по доскам, наклонял голову и по звуку решал, выдержит ли корпус ещё один переход. Марина сначала записывала его ответы углём, потом перестала успевать.

На белом холсте возле мастерской появились двадцать семь коротких чёрточек. Каждая означала лодку. Рядом Марина ставила кружки по числу мест и косые зарубки, если лодке требовалась починка. Мара следила за её рукой и заставляла называть вслух владельцев.

— Эта не Сима, — поправила староста. — Симу военные увели зимой. Это лодка трёх семей. Кормит их по очереди.

Марина стёрла имя и нарисовала рядом три маленьких крыши.

— А эту не считай, — сказал Край, указывая на плоскодонку под перевёрнутой корзиной. — Дно разойдётся, если посадить взрослого.

Из-под корзины вылезли два мальчика.

— Мы на ней плаваем.

— Вы на ней тонете помедленнее, — ответил Край.

Марина отметила корпус как непригодный для перевозки. Мальчики обиделись. Тогда она дала им работу: измерять шестом воду у крайних свай и каждый час приносить новую зарубку. Оба сразу стали серьёзными, будто им доверили крепостную стену.

Слово «учёт» в её прежней жизни означало строки на экране. Номер машины, фамилия бригады, время выезда, адрес. Здесь строка пахла рыбой, тиной и мокрой шерстью. За каждой чёрточкой стоял человек, который мог не отдать лодку, потому что без неё его семья не добудет еду завтра. Или отдаст, потому что сегодня соседу хуже. Ни одна такая причина не помещалась рядом с кружком.

Марина добавила снизу ещё три знака: ладонь — хозяин согласен дать лодку; согнутый палец — только со своим гребцом; перечёркнутая волна — не выводить в большую воду.

Мара посмотрела на новый ряд.

— Теперь похоже на правду.

К полудню они нашли тридцать две лодки. Шесть были отмечены армейской белой краской. Четыре требовали смолы и новых шпонок. Две могли ходить только вдоль берега. В самой большой помещались двенадцать сидящих или четверо лежащих, если убрать скамьи. Баржи в лагере не было.

Людей было триста семьдесят три.

Марина пересчитала кружки, хотя ответ и без того был ясен. Даже если набивать корпуса до борта, за один раз лагерь не уйдёт. Понадобится несколько оборотов. Значит, понадобятся два свободных причала, встречный ход пустых лодок и запас времени. Ни одного из трёх у них пока не было.

Мальчики прибежали от свай. Старший показал свежую зарубку на шесте: вода поднялась на два пальца.

— За час? — спросила Марина.

Он кивнул.

Край увидел отметку и перестал стучать по борту.

— Верхние снега пошли.

Мара велела повторить сообщение на посты. Чёрные лоскуты поднялись один за другим: вода растёт. Дальний пост ответил. Система Эльвы жила без неё.

Марина вернулась к холсту. Возле шести военных меток поставила вопросительные знаки. Если Валк заберёт эти лодки, останется двадцать шесть. Если ещё заберёт гребцов, многие корпуса превратятся в бесполезные корыта.

Со стороны высокой тропы показался один человек.

Сначала Марина решила, что это Радан. Человек шёл неровно, припадая на правую ногу. Потом увидела серый армейский плащ и руку на перевязи. Молодой караульный, который утром отдал Эльве фонарь, спускался один. На полпути он остановился и поднял обе руки в стороны.

Знак остановки.

Все три поста повторили его. Люди у причала замерли,

но не разбежались. Край взял багор. Мара встала перед холстом, закрывая записи телом.

Караульный дошёл до мастерской и достал из-за пазухи свёрнутый лист. На нём висела чёрная восковая печать.

— Приказ полководца Эрда Валка, — сказал он, тяжело дыша. — Чужачке, которая считает лодки.

— У чужачки есть имя, — сказала Мара.

Парень посмотрел на людей вокруг и решил не спрашивать полное.

— Марине. Велено явиться на верхний берег с перечнем всего плавучего имущества.

Марина протянула руку к листу. Караульный не отдал.

— Читать буду я.

— Тогда читай здесь.

— Приказано явиться.

Марина показала на его перевязанную руку. Утром она была цела.

— Где Радан и Эльва?

Караульный отвёл глаза.

Мара повторила вопрос. Тот сглотнул.

— В штабе. Лодочника допрашивают. Женщину выставили за ворота.

Марина сняла с гвоздя плащ. Мара ухватила её за локоть.

— Если понесёшь им холст, обратно получим приказ и дырку от холста.

Марина и не собиралась нести карту. Она выдернула из

поленницы плоскую щепу и перерисовала только числа: всего лодок, исправных, требующих починки, число известных гребцов. Не имена владельцев. Не место стоянки. Не согласие.

Караульный проследил за её рукой.

— Валк велел всё имущество.

— Лодки — не имущество Валка, — сказала Мара.

— Я не говорил, что его.

— Ты принёс его печать и произнёс это одним дыханием.

Марина сунула щепу в карман и указала на руку парня.

Повязка была мокрой не от дождя. Сквозь ткань проступала кровь.

— Что случилось?

— Ничего.

— Где?

Он помолчал.

— У ворот.

— Сколько раненых?

— Один.

— Какая опасность сейчас?

Парень почти рассердился, но третий вопрос заставил его оглянуться на тропу.

— Они готовят лошадей. Шесть лодок велено поднять к верхней пристани до темноты. Если не поднимут, Орн придёт с людьми.

Мара посмотрела на холст. Три вопроса снова дали боль-

ше, чем приказ.

Лина промыла рану караульного, пока Марина собиралась. Плечо рассекла не сабля, а железная скоба ворот. Парень пытался остановить солдат, когда те потащили Эльву прочь: она увидела на штабном дворе разложенные сёдла и стала показывать шесть лодок. Её жесты приняли за издевательство. Или сделали вид.

— Имя? — спросила Марина.

— Жар.

Он произнёс только короткую часть. Здесь и это было доверием.

Марина пошла с Жаром. Мара отправила следом двух женщин, но велела им не входить в укрепление. У нижней развилки Марина обернулась. Белый холст уже сняли и унесли под крышу мастерской. На его месте висел пустой мешок. Если солдаты придут, они увидят только следы угля на столбе.

Эльва ждала у штабных ворот. Её короткие палки лежали в грязи, белый лоскут был разорван. Сама она стояла прямо, прижав к губе окровавленный рукав. Увидев Жара, она сперва проверила его руку, а уже потом ударила ладонью по воротам.

— Радан внутри? — спросила Марина.

Эльва кивнула. Показала: связали руки. Потом коснулась шеи, изобразила узел и указала вниз, к реке.

Узел Марины тоже был внутри.

Жар постучал. В створке открылось маленькое окошко.

— Перечень доставлен.

— Глухую оставить снаружи.

Марина показала на Эльву, затем на себя: вместе.

— Валк вызывал одну.

Она села прямо перед воротами.

Жар выругался шёпотом. Эльва села рядом. Две женщины у развилки немедленно подняли белый лоскут: держать место. Внизу ответили через средний пост.

Окошко захлопнулось. Через несколько минут ворота открыли.

Во дворе пахло мокрыми лошадьми, дымом и свежей кожей. Под навесами стояли в ряд сёдла. Не шесть, а не меньше сорока. Рядом лежали мешки с сухарями, связки стрел и сложенные походные палатки. Солдаты готовились уходить надолго, но в лагере об этом не знали.

Эльва считала на пальцах. Марина коснулась её запястья и показала: вижу.

Их провели в длинное помещение над рекой. Радан стоял у стены со связанными спереди руками. На скуле темнел свежий кровоподтёк. Возле стола Терв держал металлический баллон Марины. Обрывок каната с узлом лежал в медной чаше с водой и слабо светился.

Эрд Валк оказался не старым. Марина ожидала седого человека, который давно привык посылать других на смерть. Полководцу было около сорока пяти. Он был сухощав, чисто

выбрит и двигался без лишних жестов. Только сапоги выдавали утро: на них засохла светлая глина верхней дороги.

На столе лежала карта обоих берегов. Западный лагерь был обозначен маленьким квадратом. Восточный — таким же. Между ними синела широкая полоса Сарвы. Через верхнюю протоку Валк провёл чёрную линию.

— Марина, — сказал он. — Так вас здесь называют?

Она кивнула.

— Вы умеете считать лодки и заставлять людей отвечать по существу. Полезное умение. Мне сказали, до вашего появления лагерь потерял троих детей.

— Одного нашли живым, — вмешался Радан.

Терв ударил его под рёбра. Не сильно, почти буднично. Марина шагнула вперёд.

Валк поднял ладонь, и Терв отступил.

— Здесь говорят по очереди. На воде, полагаю, у вас иначе.

Эльва показала остановку.

Полководец посмотрел на неё с холодным любопытством.

— Вот этот знак вы раздали всему лагерю?

Марина кивнула.

— Даже детям?

Снова кивок.

— Значит, ребёнок может остановить военную лодку.

Марина указала на Жара, оставшегося у двери, потом на его повязку и на Терва. Где беда. Сколько пострадавших. Ка-

кая опасность сейчас. Затем показала знак остановки.

— Она хочет сказать, что опасность не спрашивает звания, — перевёл Радан.

— Я понял.

Валк подошёл к окну. Внизу виднелась верхняя пристань и шесть помеченных лодок. Их уже отвязывали от кольев.

— Поэтому вы будете считать для меня. Все корпуса, гребцов, запас вёсел, время перехода и груз. Каждый вечер перечень будет здесь.

Марина достала щепу и положила на стол.

Валк прочёл числа.

— Тридцать две. Мало.

— Больше нет, — сказал Радан.

— Есть на восточном берегу.

При этих словах Терв улыбнулся. Марина посмотрела на карту внимательнее. У восточного лагеря были нарисованы семь маленьких лодок. Чёрная линия Валка шла мимо них к узкой косе, где обе протоки почти сходились.

Полководец постучал ногтем по щепе.

— К завтрашнему вечеру вы дадите мне полный список. Владельцы, состояние, грузоподъёмность. Лодки с белой меткой сегодня перейдут под охрану штаба. Остальные пока остаются в лагере.

Марина забрала щепу со стола.

— Это разрешение, — сказал Валк. — Я не запрещаю вам учитывать лодки. Напротив, выделяю писца и двух солдат.

Она поняла его замысел. Ему не нужен был её счёт. Ему нужны были имена рядом с корпусами и люди, которые сами покажут тайники. То, что лагерь собирал для спасения, штаб хотел превратить в опись для изъятия.

Марина взяла со стола кусок угля и на свободном краю карты нарисовала две лодки: одну с западного берега, вторую с восточного. Потом провела обе к середине.

— Нет, — сказал Валк.

Она указала на восточный квадрат, затем на растущую воду за окном.

— Восточный берег занят врагом.

Радан перевёл её вопрос:

— А люди в лагере?

— Под защитой своего воеводы.

Марина перечеркнула нарисованный меч и снова указала на квадрат. Не армия. Люди.

— Восточные беженцы не пересекут Сарву, — произнёс Валк отчётливо. — Ни под видом обмена, ни в лодках западного лагеря, ни вплавь с канатом. Любой корпус, замеченный у их берега, будет сожжён. Любой западный гребец, который поможет им, будет повешен как изменник.

Эльва смотрела ему в лицо. Потом показала сорок — столько сёдел она насчитала во дворе. Указала на запад, на лодки и сделала рукой движение прочь.

Валк перестал притворяться, что не понимает её.

— Гвардия меняет позицию.

Эльва показала на квадрат лагеря. Кто останется?

— Достаточно людей.

Радан рассмеялся. От этого Терв шагнул к нему, но Валк снова остановил сборщика.

— Вы уводите гвардию тайно, — сказал Радан. — Забираете лодки. На берегу оставляете костры и три сотни людей, чтобы восточные решили, будто штаб ещё здесь.

— Ты всегда говорил больше, чем требовалось.

— Потому и перестал вязать для тебя узлы.

Валк взял из чаши мокрый канат. Серебряный свет пробежал по его пальцам, но не обжёг их. Нить внутри узла потянулась к Марине, затем вниз.

— Этот узел покажет проход, — сказал полководец. — Ваше полное имя уже названо. Осталось понять цену.

Марина шагнула к чаше. Терв подхватил баллон и встал на пути.

— Мои люди открывали броды именами ещё до вашего рождения, — продолжил Валк. — Иногда забывали лицо брата. Иногда день свадьбы. Иногда ребёнка. Государство существует потому, что кто-то платит такую цену.

Радан поднял связанные руки.

— Государство существует потому, что ты записываешь цену на чужой счёт.

Валк дёрнул за свободный конец узла. Свет стал ярче. На миг Марина услышала звук, которого здесь быть не могло: частые удары по металлу. Артём стучал по её баллону там,

в затопленном карьере. Или ей показалось. Она рванулась вперёд так резко, что Терв едва удержал её.

Свет погас.

В комнате осталась медная чаша, чужие руки и запах речной воды.

Валк внимательно наблюдал за Мариной.

— Значит, за бродом что-то есть. Место, куда вы хотите вернуться.

Она не ответила.

— Помогите провести гвардию, и получите узел после перехода.

Марина посмотрела на карту. Чёрная линия уходила от западного лагеря вверх, через протоку, и заканчивалась на безопасной насыпи. Восточная армия увидит пустеющий штаб не сразу. Когда увидит, между ней и отступившей гвардией останутся только лагерь, костры и люди без лодок.

Она взяла уголь и поставила на чёрной линии крест.

— Тогда узел останется у меня, — спокойно сказал Валк.
— А вы будете считать без него.

Он обернулся к Жару.

— Читай приказ.

Парень достал лист с печатью. Голос у него дрожал, но он не пропустил ни слова. До заката шесть лодок передавались штабу. До следующего полудня лагерь обязан представить перечень всех корпусов и гребцов. Ни один житель западного берега не имел права приближаться к восточному

лагерю. На третью ночь гвардия совершала «перемещение для защиты верхнего тракта». Сведения о нём объявлялись военной тайной.

— Последнее вслух в лагере не прочтёшь, — заметил Валк.

Жар опустил лист.

Эльва протянула руку. Он отдал ей приказ.

Она не слышала прочитанного, зато видела строки. Провела пальцем по печати, сложила лист пополам и сунула за пояс.

Терв попытался забрать его. Эльва ударила его запястье ребром ладони и отступила к Марине.

— Пусть несёт, — сказал Валк. — Текст не меняет силы приказа.

Марина подошла к Радану и подняла его связанные руки. Посмотрела на Валка.

— Он останется, — ответил полководец. — До первой передачи перечня.

Марина показала на щепу. Числа уже переданы.

— Это не перечень. Здесь нет имён.

Вот чего он хотел на самом деле: не лодки, а возможность связать каждую лодку с человеком. В стране, где имя можно затянуть мокрым канатом, список владельцев был опаснее оружия.

Марина разломил щепу о край стола. Одну половину положила перед Валком, вторую сунула в карман. Числа он по-

лучил. Имена — нет.

Терв схватил её за плечо. Радан двинулся от стены, но связанные руки лишили его равновесия. Жар загородил дверь.

Валк смотрел на обломок.

— Отпустить лодочника, — приказал он.

Терв не поверил.

— Но перечень...

— Я хочу увидеть, кому они доверяют больше: ему или собственному страху. Если список не будет доставлен завтра, возьмёшь лодки сам.

С Радана сняли верёвку. Он растёр запястья и первым делом посмотрел на Эльву. Она показала, что с ней всё в порядке, хотя губа снова кровоточила.

Баллон и узел остались на столе.

Когда они вышли во двор, солдаты уже вели лошадей к верхней дороге. Сёдла накрыли попонами, будто от дождя, но дождя не было. Жар шёл последним. У ворот он сорвал с рукава узкую белую ленту и бросил в грязь.

— Что это? — спросил Радан.

— Метка пристани. С ней я должен был принять одну из шести лодок.

— Должен?

Жар посмотрел на свою перевязанную руку.

— Я видел, как гребец тонул в трёх шагах от Терва. Он ждал приказа. Я больше не хочу ждать такого приказа.

Эльва подняла белую ленту, отёрла и повязала ему на дру-

гую руку. Потом показала знак остановки.

Жар повторил.

У развилки ждали две женщины Мары. Одна подняла белый лоскут. Эльва ответила: возвращаемся втроём. Потом добавила ещё один знак, которого утром не было: кулак над головой и раскрытая ладонь к востоку.

Радан понял первым.

— Штаб уходит. Восточный берег под угрозой.

Женщины передали знак вниз. На среднем посту его не знали. Сигнальщик повторил неточно. Эльва остановилась, вернулась на несколько шагов и показала снова, разделив сообщение на три простых: много солдат; уходят вверх; лагерь остаётся.

На этот раз поняли.

Когда Марина спустилась к мастерской, вокруг пустого мешка стоял весь лагерь. Мара не стала спрашивать, что сказал Валк. Она взяла приказ у Эльвы и велела Жару прочесть его при всех.

Он прочёл. Даже последнюю часть.

После слов о тайном перемещении стало так тихо, что слышно было, как вода ударяет в сваи.

Первым заговорил владелец одной из помеченных лодок.

— Если не отдам, заберут силой.

— Если отдашь, нас повезут следом? — спросила женщина с грудным ребёнком.

Никто ей не ответил.

Край ткнул багром в шесть белых знаков на холсте.

— На этих уйдут всадники. Они посадят по четверо, остальное место займут сёдла и оружие.

— Значит, надо испортить лодки, — сказал кто-то.

— Тогда не уйдём мы, — возразила Лина.

— Спрятать.

— Вода вынесет.

— Отдать восточным.

Люди заговорили одновременно. Марина различала отдельные слова, но смысл тонул в общем шуме. Раньше она надела бы гарнитуру, нажала клавишу и развела вызовы по линиям. Здесь у неё был только холст и знак Эльвы.

Она подняла обе руки в стороны.

Остановились не сразу. Сначала ближайшие. Потом те, кто видел ближайших. Наконец знак дошёл до края толпы.

Марина задала первый вопрос:

— Где опасность сейчас?

Мара повторила громче.

Ответы стали короче. Верхняя пристань. Шесть лодок. Военные придут до заката.

— Сколько людей придёт?

Жар назвал двадцать солдат и Терва.

— Что они могут сделать прямо сейчас?

Забрать лодки. Арестовать владельцев. Увидеть полный список, если найдут холст.

Марина сняла ткань со стены мастерской. Все ждали, что

она уничтожит записи. Вместо этого она разрежала нижний край на три полосы. На первой остались только числа и состояние корпусов. На второй — знаки согласия владельцев. На третьей — места стоянок.

Первую она отдала Жару.

— Валку?

Марина кивнула. Пусть штаб знает, сколько корпусов действительно выдержат воду. Ложь о состоянии лодок могла убить не только солдат, но и гребцов.

Вторую полосу она отдала Маре. Третью — Эльве.

Полного перечня больше не существовало в одних руках.

Радан понял и улыбнулся разбитой губой.

— Чтобы забрать всё, им придётся спросить троих.

Мара свернула свою полосу.

— Четверых. Места стоянок знают владельцы, а эта тряпка устареет к вечеру.

Люди начали переносить лодки не в тайники, а к тем причалам, где их можно было быстро вывести и где за ними следили два поста. Исправные корпуса не портили. Вёсла сложили отдельно и распределили между семьями. С шести бортов отмыли белую краску, но владельцы сами остались рядом.

— Если придут? — спросил Жар.

Марина показала знак остановки, затем на реку и на людей. Остановить. Спросить, куда идут лодки. Не драться первым. Не позволять увезти гребцов молча.

Радан посмотрел на неё.

— Валк думает, что разрешил нам считать.

Марина провела пальцем по разрезанному холсту. Считать он разрешил. Решать — нет.

На дальнем посту подняли чёрный лоскут. С верхней пристани спускались солдаты. Впереди шёл Терв, за ним Орн и два десятка людей.

Солнце ещё не коснулось края леса.

Эрд Валк не стал ждать до заката.

Глава 6. Плотник с другого берега

Терв спускался к лагерю так, будто шёл брать крепость.

Двадцать солдат держали щиты на левом плече, хотя стрелять в них было некому. Сотник Орн шёл рядом со сборщиком, широко ставя ноги на скользкой тропе. За отрядом тянули пустые упряжные канаты. Радан насчитал шесть — по одному на каждую лодку.

Лагерь не строился против них. Люди остались у причалов, у мастерской, возле свай. Владельцы помеченных корпусов стояли каждый у своего борта. Вёсел в лодках не было. Белую краску смыли, но светлые пятна ещё проступали на мокром дереве.

Эльва подняла руки в стороны.

Знак остановки прошёл по трём постам и вернулся к ней. Солдаты увидели, как весь берег повторил одно движение. Их строй сбился раньше, чем Орн скомандовал остановиться.

— По приказу полководца, — начал сотник.

Жар вышел вперёд и развернул лист с печатью.

— Приказ уже прочитан.

Орн посмотрел на его перевязанную руку и белую ленту поверх повязки.

— Ты должен быть у верхней пристани.

— Был.

— Вернёшься под конвоем.

Марина шагнула между ними. Она не стала спорить о Жаре. Указала на канаты, на шесть лодок, затем подняла три пальца и вопросительно повернула ладонь.

Радан перевёл:

— Куда, сколько людей, какая опасность сейчас?

— Что?

— Для чего забираете лодки? Сколько посадите? Что угрожает переходу?

— Военный приказ не обсуждают с береговыми оборванцами.

Край постучал багром по ближайшему борту.

— Тогда сами поведёте?

Солдаты переглянулись. Среди них было трое, умевших грести на спокойной воде. Радан знал каждого. Ни один не провёл бы нагруженный корпус через верхнюю протоку ночью.

Терв тоже это знал.

— Владельцы идут вместе с лодками, — сказал он. — И по два гребца с каждой.

Вот для чего понадобились упряжные канаты. Не только тащить корпуса. Тащить людей, если откажутся.

Владелец первой лодки, широкоплечий рыбак по имени Нев, положил ладонь на борт.

— Моя жена пойдёт со мной.

— Нет.

— Тогда лодка останется.

Орн вздохнул, будто столкнулся с капризным ребёнком.

— Ты вернёшься утром.

— К какому берегу?

Сотник не ответил.

Радан заметил, как Эльва следит не за спором, а за водой.

Ветер дул против течения, морщил протоку мелкой рябью. Среди тёмных волн иногда появлялась светлая полоса. Не пена — гладкая, словно под поверхностью провели ножом. Так Сарва показывала корягу или камень, который ещё не вышел наружу.

Эльва указала вниз по течению.

Сигнальщик у крайнего поста ответил: вижу. Потом показал человека в воде.

Радан разглядел голову между волнами. Человек появлялся на миг и снова исчезал. Его несло к сваям старого причала, где вода затягивала всё под настил.

Эльва повторила знак. Солдаты оглянулись, но строй не разомкнули.

— Человек! — крикнул Радан.

Край уже отвязывал малую лодку. Вёсел в ней не было.

— Где весло?

Мара показала на мастерскую. Вёсла спрятали именно для того, чтобы штаб не увёл корпуса. Теперь разумная предосторожность стоила утопающему последних вдохов.

Радан схватил багор. Марина удержала корму, пока он

прыгал через борт. Нев бросил короткое весло, которое спрятал под перевёрнутой бочкой. Одного было мало. Радан сел на корме боком и стал грести, как лопатой, одновременно отталкиваясь багром от дна.

— Лодку вернуть! — крикнул Терв.

Нев встал перед ним.

— Сначала человека.

Течение сразу развернуло нос. Радан едва не ударился о сваю. С берега Эльва показывала правее, потом остановку. Он доверился ей и перестал бороться с водой. Корпус снесло вдоль причала, светлая полоса прошла под днищем. Багор заскрежетал по камню.

Человек показался в десяти шагах. На нём был кожаный фартук, тяжёлый от воды. К поясу привязана небольшая доска. Лицо в грязи и крови.

Радан лёг грудью на борт, вытянул багор тупым концом.

— Хватай!

Тот услышал. Рука поднялась, но промахнулась. Вода ударила человека о старую сваю. Он исчез.

Эльва на берегу резко показала вниз и влево. Радан сунул багор под настил. Зацепил не одежду, а верёвку на поясе. Потянул. Из воды появилась доска, затем рука.

Человек сам ухватился за борт. Сил подняться не было. Радан перевалил его через планширь, едва не опрокинув лодку. Незнакомец рухнул на дно и закашлялся.

На его фартуке был выжжен восточный знак — раскрытая

ладонь над зубчатой линией.

Пленный.

Или лазутчик.

Берег увидел знак почти одновременно. Орн приказал лучникам приготовиться. Два солдата подняли луки.

Эльва показала остановку.

Они не опустили оружие.

Жар встал перед ближайшим лучником и повторил знак. Тот выругался, но стрелу отвёл.

Незнакомец приподнялся. У него были коротко остриженные волосы, разбитый висок и руки плотника: широкие ладони, свежие занозы, чёрный след смолы под ногтями. Он увидел западный берег и потянулся к поясу. Ножа там не было. Только оборванная верёвка и доска.

— Не дёргайся, — сказал Радан.

Человек ответил на восточном наречии. Радан разобрал два слова: лодка и сломана.

— Твоя?

Незнакомец показал вверх по реке и провёл ладонью поперёк горла. Потом указал на доску.

На ней был вычерчен поперечный разрез лодочного днища. Радан понял не всё, но увидел двойную шпонку и косую связь между бортами. Так строили на востоке, где лес был тоньше и корпуса собирали из узких досок.

Лодку вынесло к причалу. Солдаты окружили её раньше, чем Марина успела подать руку Радану.

Терв схватил незнакомца за кожаный фартук.

— Восточный метчик.

— Плотник, — поправил Край. — Метчики носят красный шнур.

— Теперь он пленник.

Незнакомец услышал последнее слово и ударил Терва лбом в лицо. Сборщик отшатнулся. Солдаты навалились на плотника, вытащили его в грязь и прижали коленом.

Радан выбрался следом.

— Он чуть не утонул.

— Жаль, помешал.

Терв вытер кровь из носа. Узел Марины остался в штабе, и без него сборщик казался меньше. Зато злости в нём было достаточно на троих.

Марина опустилась рядом с пленником. Проверила, дышит ли он, потрогала затылок. Солдат попытался оттолкнуть её.

Она показала первый вопрос.

— Где нашли? — перевёл Радан, хотя все видели.

Потом второй.

— Сколько было людей?

Плотник не понимал жестов. Эльва повторила медленно: лодка, люди, число.

Он поднял четыре пальца. Затем один. Остался один.

— Остальные утонули? — спросил Радан на смеси приграничных слов.

Плотник покачал головой. Показал связанные руки, потом западный берег. Трех забрали.

Орн нахмурился.

— Наши дозоры сегодня никого не брали.

Терв бросил:

— Восточный врёт.

Марина задала третий вопрос. Какая опасность сейчас?

Плотник повернулся к шести лодкам. Увидел светлые следы от смытой метки, всмотрелся в борта и неожиданно рванулся к ближайшему корпусу. Солдаты снова повалили его.

— Дайте посмотреть, — сказал Край.

— В штаб, — приказал Орн. — Там посмотрят, что он знает.

Плотник выкрикнул одно слово несколько раз. «Разойдётся». Радан узнал его, потому что так же ругались речники по обе стороны Сарвы.

Край присел у лодки Нева. Провёл пальцами по мокрой смоле. Радан видел этот корпус утром. Крепкий, высокий борт, восемь мест. Почему восточный решил, что он разойдётся?

Плотник перестал вырываться. Попросил доску. Ему не дали. Тогда он вытянул палец и стал чертить в грязи. Две линии сходились у носа. Между ними — поперечины. Он отметил третью и пятую, перечеркнул, затем показал на воду и развёл ладони.

Край полез под борт. Постучал снизу багром. Первый удар

был глухим. Второй тоже. На третьем дерево ответило пустотой.

Нев побледнел.

— Вчера держала.

— Вчера вода была ниже, — сказал Край.

Лина принесла молоток и тонкий нож. Сняла кусок свежей смолы у пятой поперечины. Под ней обнаружилась щель, забитая паклей. Кто-то залатал корпус снаружи, не заменив сгнившую связь. Под полной нагрузкой борта разошлись бы в верхней протоке.

Орн посмотрел на Терва.

— Эти лодки осматривали ваши люди.

— Лагерь мог испортить её после метки.

Нев шагнул к сборщику, но Мара остановила его.

Плотник снова заговорил. Радан прислушался. Восточное наречие растягивало гласные, но названия частей лодки были почти одинаковыми.

— Он говорит, новая смола темнее старой, — перевёл Радан. — Эту положили не сегодня. Связь сгнила изнутри. Ему нужно увидеть остальные.

— Ему нужно в яму, — сказал Терв.

— А гвардии — доплыть, — ответил Орн.

Впервые за всё время сотник смотрел на приказ не как на стену, а как на задачу, которую можно провалить. Если одна из шести лодок разойдётся с вооружёнными всадниками, Валк спросит с него.

— Пусть осмотрит, — решил он. — Под охраной.
Терв открыл рот.

— Это мои лодки до передачи штабу, — сказал Орн. —
И моя ответственность.

Наручников у солдат не было. Плотнику связали запястья верёвкой. Он показал, что так не сможет работать. Орн позволил связать только одну руку, второй конец отдали солдату.

Радан присел рядом.

— Имя?

Плотник насторожился.

Радан тут же пожалел. На Сарве такой вопрос был не знакомством, а угрозой.

Он коснулся собственной груди.

— Радан. Короткое.

Марина сказала:

— Марина.

Эльва показала на себя и сложила пальцами знак первой буквы. Потом произнесла имя губами.

Незнакомец понял, что от него не требуют полного имени для узла.

— Даян, — сказал он.

Терв усмехнулся.

— Уже есть за что вязать.

Даян посмотрел на мокрые канаты у причала. Радан увидел, как в его лице меняется страх. На восточном берегу

знали о западных сборщиках. Наверное, рассказывали, будто они вытягивают имена из пленных клещами. Правда была хуже: иногда человек сам назывался тому, кто только что вытащил его из воды.

— Никто не завяжет твоё имя, — сказал Радан.

Терв рассмеялся.

— Ты теперь даёшь такие обещания?

— Да.

— После того, сколько связал сам?

Радан не ответил. Даян услышал достаточно, чтобы отодвинуться.

Осмотр начали с лодки Нева. Даян потребовал нож, клин и ковш воды. Нож ему не дали; Лина работала по его указаниям. Он не просто простукивал доски. Лил воду на сухие места, смотрел, куда она уходит, нажимал пяткой на поперечины, проверял, не двигаются ли шляпки деревянных гвоздей. На носу нашёл вторую трещину, старую и безопасную. Объяснил разницу: та шла вдоль волокон и стягивалась в воде, а скрытая щель пересекала крепление.

— Откуда знаешь наши корпуса? — спросил Край.

Даян показал на восток, потом на запад, затем соединил ладони. До войны лодки чинили одни и те же мастера.

Вторая лодка оказалась исправной, но слишком мелкой для верхней протоки. Третьей требовалась новая кормовая шпонка. Четвёртая выдержала бы восемь человек, но не лошадь. Пятая могла взять лошадь без всадника, если снять

среднюю скамью. Шестая была лучшей, однако у неё не хватало запасного весла.

Каждый вывод Даян показывал руками и рисунком на доске. Марина переносила сведения на новую полосу ткани — только состояние, без имён владельцев. Орн сначала торопился, потом сам потребовал проверить днища ещё раз.

Солнце опускалось. От верхнего берега пришёл сигнальный огонь штаба: три коротких вспышки. Требование немедленно поднять лодки.

Эльва ответила остановкой.

Орн нахмурился.

— Это приказ мне.

Она указала на неисправный корпус.

— Валк не любит задержек.

Жар поднял белую ленту на руке.

— Мёртвые гребцы задержат дольше.

Сотник велел передать: осмотр, одна лодка непригодна. Штаб повторил прежний сигнал, словно не услышал. Тогда Орн сам взял фонарь и показал остановку.

Солдаты заметили это. Терв тоже.

— Ты позволяешь лагерю командовать гвардией.

— Я не посажу конницу в гнилое корыто.

— Полководец велел шесть.

— Получит пять исправных и одну после починки.

— Получит шесть сейчас.

Терв приказал солдатам тянуть первую лодку. Нев встал

на канат. Край упёр багор в землю. Владельцы остальных корпусов подошли ближе. Не толпа против строя — шесть маленьких групп у шести лодок. Если солдаты ударят, драка начнётся сразу в нескольких местах.

Орн вытащил меч.

Радан шагнул к нему, думая, что сотник станет разгонять людей. Но Орн повернул клинок поперёк дороги Терва.

— До окончания осмотра лодки отвечают мне.

— Я сборщик полководца.

— А я веду переход.

Они смотрели друг на друга несколько долгих вдохов. Потом Терв отступил.

— Валк узнает, кто задержал его.

— Передай точно.

Терв ушёл вверх один. Часть солдат проводила его взглядом. Никто не пошёл следом.

Радан не обольщался. Орн не стал другом лагеря. Он защищал свою задачу и свою шею. Но трещина в приказе появилась. Иногда вода начинала с такой трещины.

Даян закончил осмотр и указал на восток. Он хотел уйти.

Орн рассмеялся без веселья.

— Пленный не выбирает берег.

Даян быстро заговорил. Радан разобрал: на востоке его тоже казнят. Он был не солдатом. Его заставили чинить огненные плоты. Когда он сказал, что сырые связки развалятся раньше западной пристани, троих помощников увели, а его

посадили в лодку с охраной. Лодка разбилась не сама — Даян перерезал кормовую вязку, когда конвоир отвлёкся. Трёх других унесло к западному дозору.

— Значит, диверсант, — сказал один из солдат.

— Плотник, который не захотел строить оружие, — поправила Мара.

— На востоке он предатель. Здесь враг.

Даян понял последние слова. Усмехнулся и показал две ладони, сжимающиеся с обеих сторон. Между ними оставалось всё меньше места.

Марина нарисовала на дощечке две линии берегов и маленький круг посередине. Указала на лагерь.

Даян покачал головой. Потом показал на военных, на верёвку у своего запястья и снова на воду. В лагере его либо выдадут, либо привяжут.

Радан хотел повторить обещание, что имени не коснутся. Но обещание человека, который когда-то вязал узлы для Валка, ничего не весило. Нужен был поступок.

Он взял нож у Лины и разрезал верёвку на руке Даяна. Солдаты подняли оружие.

— Пленник под моей ответственностью, — сказал Орн.

— Тогда отвечай за него без верёвки. Работать связанный он не сможет.

— Он может сбежать.

— Куда? На востоке его казнят. На западе ты называешь его врагом. В воду он уже сходил.

Даян потёр запястье. Нож лежал между ним и Раданом. Он мог схватить его, ударить, прорваться к лодке. Вместо этого поднял кусок сгнившей поперечины и показал Марине. Нарисовал семь корпусов на восточном берегу. Три перечеркнул. Четыре отметил знаком, похожим на раскрытые рёбра.

Край присел рядом.

— Что за знак?

Даян взял две тонкие щепки и связал их полоской кожи крест-накрест. Потом надавил: соединение разошлось, но не сломалось. Перевязал по-другому, добавив петлю. Теперь щепки держались и могли чуть двигаться.

— Паводковая связка, — сказал Край. — Не видел такой.

Даян указал на узкие восточные лодки. Их борта не выдерживали большой волны поодиночке, зато корпуса можно было соединять попарно гибкими перемычками. Они двигались относительно друг друга и не ломали настил. Четыре исправные лодки давали две устойчивые связки.

Марина сразу нарисовала лежащего человека на настиле между ними.

Даян кивнул. Затем показал пять пальцев, потом ещё пять. Десять лежачих, если вода позволит. Или груз, который нельзя мочить.

В лагере было больше двадцати людей, не способных сидеть в малой лодке весь переход.

— Восточные корпуса нам не отдадут, — сказал Орн.

Даян посмотрел на него как на глупца. Показал на штабные сёдла, затем вверх по реке. Западные тоже не собирались отдавать свои. Вопрос был не в том, кто отдаст, а кто останется у воды, когда армии уйдут.

Марина попросила нарисовать связку подробнее. Даян сел у мастерской. Лина принесла дощечки и ремни. Край забыл о недоверии и стал спорить с ним о длине поперечин. Они не знали многих слов друг друга, поэтому ругались предметами: двигали щепки, лили воду, ломали неудачные узлы.

Орн велел готовить пять исправных лодок. Шестую Лина обещала починить к полуночи, если ей оставят владельца и двух помощников. Сотник согласился. Владельцы потребовали знать, вернутся ли корпуса. Орн не обещал. После приказа Валка честный отказ звучал лучше пустой клятвы.

Нев всё равно пошёл со своей лодкой.

— Жена? — спросил Радан.

— Останется здесь. Если я не вернусь, лодка ей не поможет. А если вернусь без лодки, построим другую.

Даян услышал и сказал несколько слов.

— Что? — спросила Мара.

— Говорит, построить можно, — перевёл Радан. — Если лес не заберут армии.

К сумеркам пять лодок потянули к верхней пристани. Не солдаты тащили владельцев, а владельцы вели корпуса сами. Эльва передала по постам число: ушло пять, одна чинится.

Потом добавила имена гребцов короткими знаками, чтобы лагерь знал, кого ждать.

Орн оставил четверых солдат у мастерской охранять Даяна. Сам ушёл с лодками. Жар остался, хотя формально всё ещё принадлежал к его отряду.

— За мной придут, — сказал он.

Мара пожала плечами.

— Пусть зададут три вопроса.

Даяну дали сухую рубаху и миску похлёбки. Он ел медленно, не выпуская из вида солдат. Марина села напротив и положила между ними дощечку с двумя берегами. Указала на восточный лагерь, затем на его сердце.

Кто там остался?

Он нарисовал женщину с короткой косой и маленький дом. Потом перечеркнул дом. Женщина была жива, дома больше не было. Нарисовал старика у лодочного киля. Отца или мастера. Рядом — троих работников, которых увели конвоиры.

Марина указала на западный лагерь и вопросительно подняла ладонь.

Даян посмотрел на Радана.

— Зачем ей я?

— Ты знаешь восточные лодки.

— Потому я нужен вашему Валку?

— Валку нужны лодки. Ей нужны места в них.

— Для западных.

Радан хотел сказать «для всех», но понял, что это прозвучит слишком легко. Они только что отдали пять корпусов армии. Восточный плотник сидел под охраной. Узел с полным именем Марины лежал у Валка. Красивое обещание ничего не меняло.

Марина взяла дощечку и нарисовала две стрелки навстречу друг другу. Западные лодки шли к востоку. Восточные — к западу. В середине она оставила пустое место.

Даян долго смотрел на рисунок. Потом зачеркнул стрелки. Течение не позволит.

Он нарисовал ниже излучину и каменную гряду. Там, по его словам, встречные корпуса можно развести, если знать момент смены струи. Всего несколько вдохов между двумя толчками воды. Западные речники называли это место Чёрным бродом и не ходили туда. Восточные тоже не ходили, но плотники изучали обломки, которые течение выносило после паводков.

Радан увидел на рисунке зубцы подводного ворота.

— Ты был там?

— Под водой — нет. У края. Там камень поёт, когда вода падает.

Марина замерла. Постучала пальцем по металлической миске: тот самый звук, который привёл её сюда.

Даян кивнул.

— Колокол под водой.

Радан почувствовал, как прежняя жизнь затягивается на

его шее невидимым узлом. Валк считал, что брод принадлежит тому, у кого книга имён. Восточные воеводы считали, что он принадлежит тому, у кого огненные плоты. Но путь знали обломки, плотники и люди, которых обе стороны объявили предателями.

Эльва толкнула его в плечо и показала на дальний пост.

На восточном берегу зажглись три красных огня. Один погас. Потом второй. Третий двинулся вниз по течению.

Даян вскочил.

— Плоты.

— Какие плоты?

Он схватил дощечку и нарисовал связки хвороста, смолу и глиняные горшки. Те самые, которые его заставляли чинить. Восточные готовили огонь для западной пристани. Пока гвардия уходила вверх, плоты спускали к лагерю.

— Когда? — спросил Радан.

Даян посмотрел на красный огонь, оценил течение и поднял четыре пальца.

— Четыре часа?

— Если связки выдержат. Если нет — раньше. Они развалятся, и огонь пойдёт по всей протоке.

Марина уже звала людей к холсту. Эльва передавала новый знак: опасность сверху, огонь на воде. Край собирал багры. Лина отложила ремонт штабной лодки и стала вытаскивать из сарая мокрые шкуры.

Четверо солдат у мастерской переглянулись.

— Пленного надо увести, — сказал старший.

Даян протянул ему обе руки, словно снова под верёвку.

— Веди. Когда огонь придёт, спросишь в штабе, какой стороной держать багор.

Солдат не понял слов, но понял насмешку.

Жар встал рядом с Даяном.

— Он остаётся до конца тревоги.

— Ты уже не командуешь.

Жар посмотрел на белую ленту.

— Здесь любой может сказать «стоп».

Он поднял руки в стороны. Эльва повторила. Затем Марина. Потом Край, Мара, Лина и люди у причала.

Солдаты не присоединились. Но и верёвку не достали.

Радан подал Даяну багор.

Плотник взял его осторожно, проверил древко и встал лицом к верхней протоке. За рекой красный огонь двигался всё быстрее. На высоком берегу Валк готовил тайную переправу, не зная, что вода уже несёт к его лодкам чужую войну.

Даян коротко назвал места, где следовало поставить людей. Радан переводил. Марина задавала три вопроса каждому посту. Эльва дробила ответы на видимые сигналы.

Впервые распоряжения восточного человека прошли по западному лагерю без цепи на его руке.

Глава 7. Узел обещания

Марина начала с времени.

Четыре часа, названные Даяном, были худшим ответом из возможных. Не потому, что их мало. Потому что точного срока не существовало. Связки огненных плотов могли выдержать до излучины, а могли разойтись на первой коряге. Ветер мог прижать горящие охапки к восточному берегу или разбросать их по всей протоке. Красный огонь, который заметила Эльва, то показывался между ивами, то пропадал, и по нему нельзя было понять скорость.

В диспетчерской Марина поставила бы карточке высокий приоритет и передала расчётное время прибытия бригаде. Здесь не было ни часов на стене, ни бригады, которую можно послать вместо себя. Она положила на землю четыре одинаковых полена и велела мальчишке у костра следить за пламенем. Когда прогорит первое, они должны быть готовы. Если плоты придут раньше, готовность всё равно не повредит.

— Где они ударят? — спросила она Даяна.

Плотник указал багром на верхнюю оконечность островка. Там основная вода делилась надвое. Правая струя шла к военной пристани, левая — прямо вдоль лагерного берега. Пока плоты держались вместе, их должно было потянуть вправо. Если передняя связка распадётся, горящие части разнесёт в обе протоки.

— Сколько?

Даян поднял обе ладони, потом ещё пять пальцев. Пятнадцать больших связок. Горшков со смолой он не считал.

— Что опаснее сейчас?

Он не ответил сразу. Прошёл по берегу до мастерской и ткнул багром в шестую лодку, ту самую, которую Лина чинила для людей Орна. Корпус лежал на катках кормой к воде. Новая поперечина белела свежим деревом. Вокруг неё пахло стружкой и горячей смолой.

Даян провёл пальцем по борту и показал на нижнюю пристань. Если спустить лодку здесь, течение сразу подхватит её и понесёт к островку. Один неверный толчок — и корпус окажется между огненными плотами и лагерем. Но без этой лодки не хватит людей, чтобы перехватывать отдельные горящие связки.

— Значит, сначала лодка, — сказала Марина.

Лина отрицательно мотнула головой и указала на ещё не закреплённую шпонку. Потом показала два пальца: нужно время, пока дерево разбухнет в воде. Край предложил спустить корпус в тихую заводь за камышом. До заводи было шагов двести вверх по берегу, но тащить тяжёлую лодку по грязи люди не успевали.

— Есть короткий путь, — сказал Радан.

Он смотрел не на заводь, а на узкий промежуток между пристанью и каменной грядой. Вода там казалась гладкой. На самом деле под гладью сходились две струи: одна тянула

от берега, другая возвращала всё к сваям. Марина уже видела, как в этом месте завертело детское корыто. Лодку требовалось провести поперёк всего на тридцать шагов, но веслом там было не справиться.

Край услышал его и выругался.

— Через Зев? Ты решил отдать им и шестую?

— Зев выпускает в заводь.

— Если попадёшь в тонкую струю. А её после подъёма воды никто не видит.

Радан перевёл взгляд на сестру. Лина выпрямилась слишком быстро. Марина заметила этот обмен и поняла раньше, чем он полез под рубаху за канатом.

— Нет, — сказала она.

— Ты ещё не знаешь, чему говоришь нет.

— Знаю достаточно. Узел с именем показывает путь. После него кто-то что-то забывает.

Лина положила молоток на борт. Не бросила — именно положила, бережно, как вещь, которая понадобится через минуту. Потом подошла к Радану и протянула руку.

— Не здесь, — сказал он.

— Где ещё? В штабе у Валка?

Их услышал Край. Увидел короткий мокрый канат в ладони Радана и отступил, будто тот достал змею. Четверо солдат у мастерской разом взяли за оружие. Старший потребовал отдать запрещённую вязь.

Радан даже не повернулся к нему.

— Заберёшь после огня.

— Я обязан доставить тебя полководцу.

— Тогда сперва помоги дотащить лодку до полководца по горячей воде.

Жар встал между солдатами и мастерской. Белая лента на его руке намокла и прилипла к рукаву. Он не вынимал меч, но Марина видела: если старший сделает ещё шаг, Жар его остановит.

Даян не знал их запрета и не понимал, почему все замерли из-за куска верёвки. Он взял канат у Радана, осмотрел пряди и потянулся было завязать обычную буксирную петлю. Радан выхватил конец так резко, что плотник поднял багор.

— Имя, — объяснил Радан по-восточному. — В мокрой вязи.

Даян медленно опустил багор. Спросил что-то короткое.

— Он хочет знать цену, — перевёл Радан.

Марина посмотрела на него.

— Я тоже.

Люди уже катили лодку к кромке. Огненные плоты не остановятся, пока они разберутся в местной магии. Но именно так и появлялись удобные жертвы: сначала нельзя терять ни минуты, потом поздно обсуждать цену, а после спасения все благодарят и стараются не смотреть на того, кто заплатил.

Марина подняла обе руки в стороны.

Эльва увидела первой и показала остановку фонарём. Люди у катков замерли. Даже Даян, не привыкший к их знакам,

повторил движение.

— Говори сейчас, — сказала Марина. — Кого коснётся и что он потеряет?

Радан сжал канат.

— Никто не знает заранее. Вязь берёт общее воспомина-
ние у того, кто назвался, и у человека, ради которого дано
обещание. Иногда мелочь. Запах хлеба. Слова песни. Иногда
день.

— У обоих?

— Не всегда одинаково. Один может помнить день, но за-
быть лицо. Другой — лицо, но не помнить, что они делали
вместе.

— Почему тогда ты смотришь на Лину?

Он не ответил.

Лина ответила за него:

— Потому что обещание он даст мне.

Она подошла к лодке и ударила ладонью по новой попе-
речине. Она починила корпус. Она поведёт его в заводь. Ра-
дан пообещает провести сестру через Зев, назвав своё пол-
ное имя. Без человека на другом конце обещание не держа-
лось.

— Можно пообещать лодке? — спросила Марина.

— Дерево не помнит тебя, — сказал Радан.

— Мне?

— В этом плата. Вода берёт не твоё прошлое вообще. Она
вынимает место, где двое знали друг друга.

Лина коснулась его плеча.

— Мы много знаем.

Радан посмотрел на неё с такой злостью, будто она предложила бросить лодку в огонь.

— Именно.

Марина вспомнила голос Артёма в наушниках. Его ругань, когда она полезла к зацепу. Кружку с облупленным спасательным гербом, которую он всегда оставлял возле левого локтя. Если путь домой потребует воспоминание, она не сможет заранее выбрать что-нибудь ненужное. Возможно, забудет их последнюю смену. Возможно, он забудет, что ждал её под водой. Они встретятся, но один из них не узнает, почему второй не ушёл.

На дальнем посту чёрное полотнище подняли дважды. Эльва повернулась к реке. От верхней излучины донёлся глухой удар. Не гром — лопнул один из глиняных горшков. Над ивами выросло красное зарево.

Первое полено в костре ещё не прогорело наполовину.

— Связка разбилась, — сказал Даян.

Он кинулся к воде. Марина удержала его за рукав.

— Сколько теперь?

Плотник посмотрел на скорость пены у свай, на ветер, на красный свет. Показал один палец, потом провёл им по половине ладони. Полтора полена. Может, меньше.

Край велел снова катить лодку. Радан не двигался.

— Есть другой способ? — спросила Марина.

— Тащить берегом.

— Не успеем.

— Спустить без узла и поставить лучших гребцов.

Край покачал головой.

— В Зеве лучших переворачивает так же, как худших.

— Разобрать лодку? — спросила Марина.

Лина показала на соединения. Они потеряют корпус и не успеют собрать его до паводка.

— Перекрыть струю?

Даян перевёл вопрос и рассмеялся один раз, без веселья. Для этого понадобилось бы полдня, десятки свай и вода по пояс.

Марина задавала вопросы, пока не осталось ни одного ответа, который они не проверили. В этом была разница между вынужденным решением и удобной жертвой. Нельзя назвать выбором первое, что предложил человек с тайным знанием. Но нельзя и делать вид, будто цена исчезнет, если долго молчать.

— Кто принимает решение? — спросила она.

— Я, — одновременно сказали Радан и Лина.

— Нет. Каждый — за свою часть. Лина решает, садиться ли в лодку и принимать обещание. Радан — называть ли имя. Люди у берега — рисковать ли без шестого корпуса. Никто не решает за всех.

Мара кивнула и повторила её слова громче. Среди людей поднялся шум. Одни кричали, что память двоих не доро-

же лагеря. Другие требовали не возвращать запретную вязь, из-за которой началась война. Кто-то предложил посадить в лодку восточного пленника: раз Даян знает связки, пусть он и рискует. Даян понял жесты раньше перевода и сплюнул в воду.

Лина залезла на борт.

— Я пойду. Не ради штаба. Лодка останется лагерю до конца тревоги.

Старший солдат возразил:

— Корпус отмечен Валком.

Лина подняла молоток.

— Тогда пусть Валк придёт и вытащит мою шпонку.

Никто не засмеялся. Красный свет над ивами стал ярче.

Радан намочил канат. Простая серая пенька сразу потемнела. Он попросил Лину взять один конец, а сам держал другой. Между ними осталось четыре шага, и этот короткий промежуток вдруг показался Марине глубже всей реки.

— Не произноси имя громко, — сказал Край.

— Вязь должна услышать.

Радан сделал первую петлю. Пальцы двигались не быстро и не красиво. Он дважды распустил оборот, проверил длину, провёл свободный конец под мокрой прядью. Это было ремесло, а не заклинание. Самым страшным оставалось то, что ремеслу можно научить и заставить служить любому приказу.

— Я, Радан Шей, обещаю Лине Шей провести её лодку

через Зев в тихую воду и не оставить в струе.

На полном имени Лина вздрогнула. Не от звука — канат в её руке стал холодным. Марина увидела, как по мокрым волокнам пробежал серебряный блеск. Радан затянул последнюю петлю, и узел будто набрал воду из воздуха: потяжелел, выгнул канат дугой к реке.

Один из солдат прошептал молитву.

Даян присел, не касаясь вязи, и смотрел снизу. Серебро не лежало на волокнах. Оно появлялось в каплях между ними, когда узел поворачивали к определённом месту. Радан поднял канат — свет погас. Опустил к воде — вспыхнул снова и вытянулся тонкой нитью поперёк опасной глади.

Марина ожидала дорожку, сияющий проход, хоть что-нибудь похожее на указатель. Нить была едва заметна. Она шла не прямо к заводи, а сначала к свае, потом резко загибалась против течения и исчезала у полосы пены.

— Это безопасная струя? — спросила Марина.

— Она станет безопасной, пока держится обещание.

— Сколько?

— Пока мы делаем именно то, что обещали. Если повернём к военной пристани или возьмём другой груз, узел распустится.

Вот почему Валку нужны были точные имена. Не для красивой тайны и не для пророчеств. Обещание заставляло воду терпеть поступок, а человека — держаться слов. Полководец мог приказать вязальщику обещать то, что выгодно штабу, и

назвать любую чужую память допустимой платой.

Лодку столкнули с катков. Вода ударила в свежий борт. Лина стояла у кормового весла, Край — у носа. Радан сел на среднюю скамью лицом назад и держал узел над водой. Больше людей брать отказались: каждый лишний вес мог увести корпус глубже серебряной нити.

— Верёвка на тебе, — сказала Марина Лине. — Если перевернёт, не обматывай руку.

Лина показала петлю вокруг пояса, проведённую под плечами. Сделано правильно. Марина всё равно проверила замок. Здесь не было быстрого карабина, только деревянная чека, которую можно выдернуть одной рукой.

— Если узел погаснет, — сказал Радан, — бросаем лодку и идём к берегу.

— Если ты забудешь обещание? — спросила Марина.

Он посмотрел на сестру.

— Плата приходит после.

Они оттолкнулись.

Первые два гребка ничего не изменили. Лодка шла вдоль берега, тяжёлая и неповоротливая. Потом нос пересёк невидимую границу. Корпус дёрнуло так, что Край упал коленом на настил. Лина налегла на весло. Радан опустил узел почти к самой воде.

Серебряная нить вспыхнула от сваи до носа.

— Правее! — крикнул Край.

— Нет, — ответил Радан. — За нитью.

Со стороны казалось, что он ведёт лодку прямо на сваю. Марина стиснула зубы, запрещая себе крикнуть. Река была их знанием, не её. В последний миг течение повернуло. Лодка скользнула боком, прошла в ладони от чёрного дерева и оказалась носом против струи.

Люди на берегу ахнули.

Узел провис. Серебро исчезло.

— Радан! — крикнула Лина.

Он встряхнул канат, но тот оставался обычным. Лодка остановилась посреди Зева. Под гладкой поверхностью что-то толкало её снизу. Корму развернуло к гряде.

Марина уже бежала вдоль берега, не сводя глаз с корпуса. До ближайшей верёвки было далеко. Бросательный конец из её снаряжения забрал Валк. Она сорвала с колышка обычный линь, но тот не долетел бы.

— Что изменилось? — крикнула она.

Край показывал на дно. Новая поперечина набухла, но под неё просочилась вода. Они обещали провести лодку — исправную лодку. Если корпус перестал считаться исправным, вязь могла решить, что обещание стало другим.

Лина бросила кормовое весло и полезла к шпонке. Вода плескалась у её щиколоток. Она забила клин рукоятью молотка, но течь не прекратилась.

Даян выхватил у Марины дощечку и нарисовал короткий клин с раздвоенным концом. Потом показал на мешок Лины, оставшийся у катков.

— Там есть? — спросила Марина.

Он вытряхнул инструменты. Нужный клин лежал на самом дне.

До лодки было около двадцати шагов. Марина привязала клин к линю, раскрутила и бросила. Груз ударился о борт и упал в воду. Край поймал лить багром, подтянул, передал Лине.

Она заменила шпонку. Струя успела развернуть лодку почти поперёк. Как только течь ослабла, узел в руках Радана снова засветился.

На этот раз серебряная нить легла под самой кормой. Лина поняла без команды. Ударила веслом назад, Край оттолкнулся багром от невидимого камня, и корпус нырнул в полосу тёмной воды. Его потянуло к гряде, потом отпустило. Через несколько вдохов лодка выскочила в камыши заводи.

Радан выпрыгнул по колено в воду и вытащил нос на мель. Узел развязался сам. Не лопнул, не исчез — просто ослаб, словно его никогда не затягивали. На канате осталась светлая полоса.

Люди закричали. Кто-то обнял Марину. Край поднял весло над головой. Даже солдаты у мастерской смотрели на спасённую лодку с облегчением.

Лина не кричала.

Она сидела на корме и разглядывала Радана. Потом перевела взгляд на его руки, на лицо, на мокрый канат.

— Ты кто? — спросила она.

Крики оборвались не сразу. Сначала замолчали те, кто стоял ближе. Потом слова дошли до остальных, и радость погасла по берегу, как ряд заслонок.

Радан не двинулся.

— Лина.

— Я знаю своё имя.

Она спрыгнула в воду и отступила, когда он протянул руку. Молоток в её кулаке поднялся сам собой.

— Не подходи.

— Это я.

— Кто — ты?

Он назвал себя без полного имени, но это ничего не изменило. Лина знала Радана. Она помнила брата, дом у старой пристани, их мать, зимы, лодки, ссоры. Не узнавала только человека перед собой таким, каким он был сейчас.

— Где твоя коса? — спросила она.

Радан провёл рукой по коротко остриженным волосам.

— Я срезал её прошлой весной.

— Зачем?

Он закрыл глаза.

Марина вспомнила, как Лина утром поддела брата за неровный затылок. Как бросила ему сухую рубаху, будто много раз видела этот шрам. Общий день, утраченный вязью, был не случайной датой. Это был день, когда он вернулся из штаба и перестал быть тем человеком, которого сестра провожала.

— Я ушёл от Валка, — сказал Радан.

Лиана побледнела.

— Ты служишь Валку.

— Служил.

— Вчера ты пришёл за отцовской книгой.

— Это было год назад.

Она оглянулась на лагерь. Увидела белые ленты, сигнальные полотнища, Марину в чужой одежде, восточного плотника без верёвки. Для неё всё это выросло за один вдох. Последний год остался в памяти, но без Радана: она знала сделанное, не помнила, как он стоял рядом.

Лиана приложила ладонь ко рту.

— Ты привёл их к дому?

— Нет.

— Ты клялся Валку.

— А потом перестал.

— Почему я должна верить?

Радан посмотрел на распущенный канат.

— Не должна.

Это прозвучало тише воды в камышах.

Марина подошла медленно, оставляя Лине место отступить.

— Ты согласилась на узел, — сказала она. — Мы все слышали. Лодка прошла. Цена забрала у тебя общий день, может, больше одного дня вокруг него.

— Ты кто?

— Марина. Я появилась здесь этой ночью.

Лина всмотрелась в неё и кивнула. Марину она помнила. Значит, исчезло не последнее время целиком, а только то, что связывало его с братом.

— Он спас лодку? — спросила Лина.

Марина могла ответить да. Такой ответ сделал бы Радана героем и закрыл неудобный разговор. Но лодку спасли Лина, Край, Даян и люди с линём. Узел лишь дал им путь.

— Он назвал своё имя и держал обещание. Ты вела. Край работал на носу. Даян нашёл нужный клин. Мы подали его с берега.

Лина посмотрела на молоток, словно только сейчас заметила его в руке. Опустила.

— Мне нужно время.

Радан отступил первым.

Пока Край и Даян готовили лодку к огненным плотам, Марина отвела Радана от заводи. Он шёл послушно, но ничего не видел. У мастерской старший солдат протянул руку к канату.

Марина встала перед ним.

— Нет.

— Запрещённая вязь применена при свидетелях.

— Канат твой полководец получит только вместе с рассказом, что его шестая лодка осталась цела благодаря человеку, которого он назовёт преступником.

— Мне приказано забирать имена.

— Вот именно. Имена. Не верёвку.

Солдат замялся. Он знал, что произошло, но не мог называть предмет приказа так, чтобы не признать смысл. Жар встал рядом с Мариной. Мара — с другой стороны. Старший плюнул под ноги и вернулся к своим.

Радан сел на перевёрнутый челнок.

— Она забудет не всё, — сказал он. — Иногда возвращаются куски.

— А иногда?

— Нет.

— Ты знал, какой день вода возьмёт?

— Нет.

— Но знал, что может взять важный.

— Да.

Марина присела перед ним, чтобы он не мог спрятать лицо.

— Тогда услышь меня. Больше мы не будем считать: один день за лодку, одно имя за десять человек, год памяти за баржу. Не будем складывать людей в столбик и решать, у кого воспоминаний больше.

— Когда огонь подойдёт, тебе придётся считать места.

— Места — да. Людей как топливо — нет.

— Без узлов все могут погибнуть.

— Тогда каждый раз спрашиваем, есть ли другой путь. Говорим цену вслух. Решает тот, чья память уйдёт. И ни один начальник не назначает плату за другого.

— Валк не согласится.

— Я не с Валком договариваюсь.

Она повернулась к людям у берега. Они слышали. Лина стояла у спасённой лодки и тоже смотрела на неё.

Мара подняла белый холст и углём написала четыре правила простыми крупными знаками. Не имя без согласия. Не узел без названной цены. Сначала обычный путь. Решение нельзя отдать начальнику.

Эльва прочла, постучала пальцем по последней строке и добавила пятую: любой может показать остановку.

Даян попросил перевести. Выслушал и указал на восточный берег.

— У нас вязальщиков топят, — сказал он. — Поэтому воеводы покупают западных.

Радан поднял голову.

— Откуда знаешь?

— Я чинил лодку, на которой привезли двоих. Один всё время спрашивал, как зовут его жену.

Слова легли тяжелее угрозы огненных плотов. Запрет не остановил магию. Он только сделал людей с именами товаром между армиями.

Эльва резко подняла фонарь.

С верхнего поста шёл новый сигнал: много огней на воде. Быстро. В обоих протоках.

Разговор закончился.

Лина забралась в лодку. Когда Радан подошёл, она не от-

ступила, но указала ему на нос, подальше от себя.

— Ты знаешь Зев, — сказала она. — Потом расскажешь, почему я тебе верила.

Не «верю». Марина слышала разницу. Радан тоже.

Край раздал мокрые шкуры. Даян показал, как цеплять баграми не горящий хворост, а нижние поперечины, иначе пламя перекинется на древко. Жар разделил солдат по двое и впервые спросил у лодочников, куда им встать. Мара увела детей и лежачих выше по склону. Эльва поставила два фонаря: белый обозначал свободную протоку, закрытый чёрной заслонкой — огонь.

Марина снова положила у костра поленья. Первое ещё тлело. Расчётное время оказалось бесполезным, но вопросы дали им лодку, людей и несколько правил, которых утром не существовало.

За островком появилась первая горящая связка. Она шла бесшумно, низко сидя в воде. Потом показалась вторая, уже развалившаяся на три огненных языка. Смола горела даже на волнах.

Лодка Лины отошла от заводи. Серебряного света больше не было. Радан сидел на носу с обычным багром и ждал команды плотника с другого берега.

Марина подняла белое полотнище. Эльва открыла фонарь. Люди повторили сигнал от поста к посту.

Никто не назвал имени.

И всё же они вышли на воду.

Глава 8. Список пустых мест

Первая горящая связка шла не на лагерь.

Марина поняла это, когда до неё донёсся крик с военной пристани. Течение тянуло плот к правой протоке, где пять отобранных лодок ждали гвардию. Люди Валка забежали по настилу, отталкивая корпуса от свай. Они видели огонь, но слишком поздно заметили три отдельные охапки, которые оторвались от главной связки и понеслись к лагерному берегу.

Эльва открыла чёрную заслонку три раза. Три огня слева.

Лина увидела сигнал. Её лодка повернула поперёк струи. Даян стоял на носу соседней, меньшей лодки, которую Край успел вывести из камыша. Он показал багром не на пламя, а на тёмное бревно под ним. Радан повторил жест Лине.

Две лодки разошлись, оставляя между собой проход. Горящая охапка ворвалась в него. Край зацепил нижнюю связку, Лина ударила веслом, и плот развернулся пламенем от бортов. На берегу люди потянули заранее натянутый канат. Крючья, привязанные к нему через каждые несколько шагов, легли на воду. Первая охапка застряла, вторая перевалила через канат, но потеряла скорость. Третья прошла ниже и ткнулась в грязную косу.

Марина подняла белое полотнище к косе.

Свободный путь. Тянуть туда.

Радан и Лина работали молча. Он не приказывал сестре, только показывал положение багра. Она смотрела на Края, будто Радан был ещё одним незнакомым речником. Это резало даже с берега, но лодка шла точно.

Даян зацепил вторую охапку. Его напарник, молодой солдат из людей Жара, схватился за древко слишком близко к крюку. Смола плеснула на рукав. Солдат закричал и выпустил багор.

— В воду руку! — крикнула Марина.

Он не услышал. Эльва увидела пламя, показала на свой локоть и резко опустила руку. Жар повторил. Солдат сунул рукав за борт. Пламя исчезло, но горячая смола осталась на ткани.

— Не сдирать! — Марина бежала вдоль берега за лодкой. — Мокрой шкурой накрыть!

Даян сбил остатки огня, потом ногой толкнул солдата на дно. Лодка прошла мимо косы и попала в обратную струю. Теперь её несло к камышам. Вторая охапка осталась без багра и снова повернула к лагерю.

Лина могла догнать её, но тогда первая связка ударила бы в борт Края. Марина видела выбор и не могла решить его за людей на воде. Подняла обе руки в стороны: остановка, посмотрите друг на друга.

Эльва повторила. Радан оглянулся на Даяна. Плотник показал вниз по течению и дважды ударил себя в грудь. Он брал вторую охапку на себя. Лина осталась у первой.

Даян поднял брошенный багор. Солдат сидел на дне, прижимая к руке мокрую шкуру. Грести мог только один человек. Восточный плотник встал у кормы, сделал два тяжёлых удара веслом и направил корпус прямо к огню.

— Не успеет, — сказал Жар.

Марина не ответила. Она считала не расстояние, а то, чего им не хватало. В лодке два человека, один выбыл. Один багор. Одно весло. На берегу шестеро с канатом. Если бросить конец Даяну, течение натянет его раньше, чем лодка окажется рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.